

Министерство образования Самарской области
Государственное бюджетное образовательное учреждение
дополнительного образования Самарской области
Центр развития творчества детей и юношества
«Центр социализации молодёжи»

РЫЖИЙ ЛИС

Электронный сборник произведений победителей
Областного конкурса юных литераторов «Рыжий лис»
с методическими рекомендациями

Самара, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
Воробьева Инесса Дмитриевна, методист ГБОУ ДО СО ЦРТДЮ ЦСМ, поэтесса, руководитель литературно-творческого объединения «Лира»	
СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ДЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА	5
Терехова Марина Александровна, член Союза писателей России, руководитель литературной студии «Созвучие» (г.о. Кинель)	
СКАЗКИ	
ЗВЁЗДНЫЕ ГАЛЕРЫ	6
Полвонова Ева, 10 лет (Гран-при), ГБОУ СОШ с. Мосты, м. р. Пестравский, Любаева Ирина Викторовна, учитель начальных классов	
СКАЗКА О ЗАЙЧОНКЕ, КОТОРЫЙ ИСКАЛ СОЛНЕЧНОГО ЗАЙЦА	7
Горина Милана, 11 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ ООШ с. Абашево, Адоевская Лариса Анатольевна, учитель русского языка и литературы	
ПОЧЕМУ ДЯТЕЛ СНОВА СТАЛ СТУЧАТЬ	9
Двинских Арина, 10 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ с. Подстепки, Трибунская Елена Евгеньевна, учитель начальных классов	
НЕ ТОРОПИСЬ БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ!	12
Крец Анна, 13 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ ООШ с. Высокое м.р. Пестравский, Крец Елена Сергеевна, учитель русского языка и литературы	
КАША ИЗ ТОПОРА. ПРОДОЛЖЕНИЕ	13
Машина Марина, 13 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ им. Н. С. Доровского с. Подбельск, Атаманова Светлана Юрьевна, учитель русского языка и литературы	
РАССКАЗЫ	
ШЁЛК И ПЛЮШ	16
Василюк Анастасия, 8 лет (Лауреат 1 степени), ДДТ «Гармония» с. Борское, Елисеева Мария Анатольевна, руководитель, педагог дополнительного образования	
ОГОНЕК В ТИШИНЕ	17
Постникова Кира, 9 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ № 2 «ОЦ» с. Кинель-Черкассы, Гладышева Ольга Николаевна, учитель начальных классов	
КОД ЕДИНСТВА: ТАЙНА СТАРОЙ КРЕПОСТИ	18
Горобченко Александр, 11 лет (Гран-при), ГБОУ СОШ №1 им. И.М. Кузнецова с. Большая Черниговка, Ладыгина Ольга Дмитриевна, учитель русского языка и литературы	
ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛЮДЬМИ	22
Алмакаев Тимофей, 12 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ №10 г. о. Чапаевск, Дубровина Людмила Алексеевна, учитель русского языка и литературы	
СКВОЗЬ ОГОНЬ И СНЕГ	23
Душаев Юрий, 13 лет (Лауреат 1 степени), Ерзовский филиал ГБОУ СОШ №2 «ОЦ» с. Кинель-Черкассы, Талдыкина Ирина Леонидовна, учитель русского языка и литературы	

СВЕТ И ТЕНЬ ЭРМИТАЖА: ЛЕГЕНДЫ, СКРЫТЫЕ В ЗАЛАХ	26
Ермолаева Екатерина, 15 лет (Лауреат 1 степени), МБОУ «Школа № 175» г. о. Самара, Черкашина Ирина Николаевна, учитель русского языка и литературы	
ЖИВ В СЕРДЦЕ	27
Фетисов Кирилл, 14 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ с. Красносамарское, Одинцова Елена Владимировна, педагог	
ВЫСТРЕЛ В СЕБЯ	30
Виссарионова Агата, 17 лет (Гран-при), ГБОУ СОШ с. Красное Поселение, Виссарионова Наталия Геннадьевна, учитель русского языка и литературы	
ДАР	32
Парян Эдуард, 16 лет (Лауреат 1 степени), МБУ «Школа №5» г. о. Тольятти, педагог Гастенина Анна Владимировна, учитель русского языка и литературы	
ВСЁ ПОЛУЧИЛОСЬ	46
Солодилова Елизавета, 16 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ №10 г.о. Чапаевск, Дубровина Людмила Алексеевна, учитель русского языка и литературы	
ОЧЕРКИ. ЭССЕ	
СОЛДАТСКОЕ ПИСЬМО	50
Журавлёва Евгения, 12 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ с. Новокуровка м. р. Хворостянский, Петрухина Лариса Владимировна, учитель русского языка и литературы	
ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ДОБРЫМ?	51
Никитина Софья, 16 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ «ОЦ» с. Воротнее, Гусева Людмила Михайловна, учитель русского языка и литературы	
ПАМЯТЬ В СЕРДЦЕ, ГОРДОСТЬ В ПОКОЛЕНИЯХ!	53
Синичкина Анна, 17 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ с. Герасимовка, Синичкина Елена Викторовна, учитель русского языка и литературы	
КОЛЛЕКТИВНАЯ КНИГА	
МАЛЕНЬКИЕ ИСТОРИИ БОЛЬШИХ СЕРДЕЦ (сборник сказок, рассказов и стихов)	Прило жение №1
Участники кружка «Мастерская чудес», 9 лет (Лауреат 1 степени), СП «Спектр» на базе ГБОУ ООШ с. Верхнее Санчелеево, Буторова Ксения Алексеевна, педагог дополнительного образования	
СОЛДАТ ВОЙНЫ НЕ ВЫБИРАЕТ	Прило жение №2
Объединение журналистики «Золотое перо», 14-15 лет (Лауреат 1 степени), СП ДТДиМ ГБОУ СОШ № 14 г.о. Сызрань, Крылова Людмила Леонидовна, педагог дополнительного образования	
КОМИКСЫ	
КАК ГЛУПО БЫТЬ ЖАДНЫМ	Прило жение №3
Волабуева Полина, 11 лет (Лауреат 1 степени), ГБОУ СОШ «ОЦ» с. Четырла, Мрясова Альфия Валиевна, учитель русского языка и литературы	

ВСТУПЛЕНИЕ

Уважаемые педагоги! Дорогие юные литераторы и их родители!

Мы рады приветствовать вас на страницах первого электронного сборника по результатам Областного конкурса юных литераторов «Рыжий лис». Решение о создании сборника было коллегиально принято на областной литературной конференции, состоявшейся в марте 2026 года.

Литературное творчество, как и искусство в целом — это источник вдохновения, открытие в человеке мощных духовных и жизненных сил, способных менять окружающий мир к лучшему. В то же время, приступая к написанию литературного произведения, ребёнок открывает нам своё сердце, обнажая самые заветные и тонкие струны души. Задача педагогов и родителей распознать и развить способности юного писателя, не дать ему разочароваться в этом виде творчества, если не получается с первого, второго и третьего раза. И, если у ребёнка есть желание высказывать свои мысли, превращая их в написанные обогащенные эпитетами слова, то это огромный природный дар в наше скоротечное цифровое время. Литературные конкурсы «Рыжий лис», «Поэтическая радуга Юности» на протяжении многих лет выявляют таких детей, помогая разжечь их писательскому таланту.

Мы не зря акцентировали внимание на развитии «своих мыслей» ребенка, так как зачастую на конкурс приходят работы, написанные искусственным интеллектом или прямым/частичным плагиатом. Такие работы в конкурсы не принимаются.

Нельзя не порадоваться большому количеству нестандартно думающих и пишущих ребят Самарской области. Экспертами профессионального жюри конкурса «Рыжий лис» (2026) отмечены лучшие конкурсные работы. В этом году отмечены званиями: Лауреат 3-ей степени — 25 человек, Лауреат 2 степени — 40 человек, Лауреат 1 степени — 19 человек, Гран-при — 3 человека.

В электронном сборнике представлены лучшие произведения Лауреатов первой степени и обладателей звания Гра-при. Разделы сборника собраны по номинациям: «Сказки», «Рассказы», «Очерки. Эссе». «Коллективная книга», «Комиксы». Опубликованные произведения прошли небольшую редакторскую и корректорскую правку с сохранением стилистики написания текстов.

У составителей есть замечания и методические рекомендации педагогам и ребятам. Общие недочёты:

— употребление однокоренных слов в двух-трёх последовательных предложениях воспринимается, как непрофессионализм и косноязычность. К примеру, «...что ей делать на работе она тоже **не знала**, ведь она окончила только первый класс, она ничего **не знала** и не умела», «...каша была съедена до последней **ложки**. Старуха облизала **ложку**», «... у **этого** мужчины семья уехала в другой город в гости, и единственным близким человеком в **этот** момент стал **этот** незнакомый мальчик»;

также читатель/декламатор «спотыкается» на фонетически одинаковых произношениях: «... смотрел на это и чувствовал, **что что-то** здесь не так». В этом случае слово «что» можно убрать «... смотрел на это и чувствовал — что-то здесь не так».

— в рамках одного произведения необходимо точнее употреблять формы глаголов. К примеру, «листик **упал** в ручей и плавно **плыл** по течению». Если «листик упал в ручей», то «плавно поплыл по течению», или же «упавший в ручей листик, плавно плыл по течению».

— в текстах часто встречаются имена известных людей (писателей, художников, музыкантов и т.д.): «...художника России С.Щербакова», «...А.И. Куприн в рассказе «Чудесный доктор». В художественных текстах имена, отчества необходимо писать полностью, а не аббревиатуру.

— в текстах о животных, где идет очеловечивание персонажей, встречаются такие выражения: «...пробормотал Пушок (заяц), **краснея**», «...а дятел, **покраснев** от смущения, решил попрощаться с воробьями». Звери и птицы краснеть не могут, а при образном мышлении покрасневшие звери должны выглядеть устрашающе. Лучше не употреблять такие сравнения.

— в текстах о птицах стоит учитывать их орнитологические особенности поведения. К примеру, «...самый любопытный (стриж), резко полетел вниз и **завис** в воздухе». Стрижи не могут зависать в воздухе, поэтому лучше не употреблять такие выражения — у читателя это рождает недоверие к писателю.

— в художественном тексте должна прослеживаться логическая связь. К примеру: «...Это был шёлк. Нежный, прохладный, **белоснежный** шёлк сбитого немецкого парашюта. «Мама долго кипятила его с золой, чтобы **отбелить**, — продолжала бабушка». У читателя возникает вопрос: зачем отбеливать белоснежный шёлк? Ещё пример: «А я смотрел на нее и думал о подвиге людей, благодаря которым сохранился **наш** зоопарк». Текст пишет самарский школьник о Ленинградском зоопарке в годы ВОВ 1941-1945 гг. Возникает вопрос: чей зоопарк имеет в виду автор?

— согласование предмета с его действием также не должны вызывать вопросов: «Голод терзал желудок, ноги **неслись** по инерции». Часть человека не может нестись отдельно от него самого. В этом случае лучше употребить глагол «несли».

Подводя итоги шестого областного конкурса юных литераторов «Рыжий лис» можно отметить, что задачи, поставленные организаторами конкурса, успешно реализуются. Талантливых ребят в Самарской области много и у них не гаснет, а наоборот увеличивается интерес к писательскому мастерству, которое помогает гармоничному развитию личности и достижению результатов, необходимых для успешной социализации в условиях современного общества.

Инесса Воробьева, методист ГБОУ ДО СО ЦРТДЮ ЦСМ

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ДЕТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Голоса, которые нужно услышать

Эта книга — не просто сборник текстов. Это приглашение в мир, где чувства не прячут, а воображение не знает границ. Мы привыкли думать, что детское творчество — это лишь первые, неуверенные шаги. Но что, если это самая честная литература из всех?

Произведения юных авторов обладают редкой силой. Они лишены цинизма и выверенной фальши, зато наполнены тем, чего так не хватает взрослому миру.

Дети не боятся быть смешными или наивными. Их радость звенит, а печаль — тиха и глубока. Они говорят о важном прямо, без уловок и полутонов.

Ребёнок смотрит на мир так, будто видит его впервые. Он замечает душу в старом трамвае и слышит шёпот деревьев. Его метафоры рождаются не из книжных знаний, а из живого удивления перед реальностью.

Дети поразительно чутки к чужой боли. Через свои истории они учатся сопереживать и защищать слабых, будь то человек, бездомный котёнок или сломанная игрушка. Каждая строчка здесь — это урок эмпатии.

Этот сборник — не просто проба пера. Это голоса нового поколения, которое ищет ответы на вечные вопросы. На электронных страницах вы найдёте и звонкий смех, и тихую мудрость.

Откройте эту книгу и позвольте себе на время забыть о взрослом опыте. Вы удивитесь, каким ярким, добрым и настоящим может быть мир, если смотреть на него сердцем ребёнка.

Приятного путешествия!

*Терехова Марина Александровна,
член Союза писателей России,
руководитель литературной студии «Созвучие»,
член жюри конкурса «Рыжий лис»*

ЗВЁЗДНЫЕ ГАЛЕРЫ**Полвонова Ева (10 лет)**

Жила-была в одной деревушке маленькая девочка по имени Катюша. Не было у нее ни отца, ни матери, один только дедушка. Дедушка работал комбайнером — хлеб убирал. Были они небогаты, да жили душа в душу. Каждый день приносил дедушка с работы горбушку душистого хлеба, а Катюша тем временем варила в чугушке картошку. Таков был их нехитрый ужин.

Как-то раз вернулся дедушка поздним вечером, усталый — ни рукой, ни ногой не шевельнуть. Катюшка накормила его горячей картошкой, он перекрестился, поблагодарил и тут же заснул богатырским сном.

Стала внучка по дому прибираться, и вдруг на полке, за старым рушником, нашла она свернутую трубочку — старинную карту. Карта была ветхая, с обгоревшими краями, но на ней серебряной нитью была прошита тропинка, что вела к Звездному озеру. Глаз у Катюши был зоркий, сердце — чуткое.

Подумала она: «Авось пригодится», — и положила карту в свою сумочку.

Наутро проводила дедушку в поле, а сама решила прогуляться по лесу. Любила она бродить одна-одинешенька, слушать, как сосны шумят. Положила в сумочку баночку любимого малинового варенья и краюшку того самого ароматного хлеба. Идет, песенку напевает, птицам подражает.

Только свернула на знакомую тропку — видит: посреди дороги лежит серый зверь. Волк! Да не простой, а будто каменный. Катя замерла от страха — ни назад, ни вперед. А волк не рычит, не скалится, а только смотрит на нее глазами — не злыми, а жалобными, человеческими. Тихо скулит, и слеза у него из глаза скатилась.

Тут девочка и заметила: у волка передняя лапа перетянута сухой травой, а из-под нее кровь сочится. Пожалела Катюша зверя.

Страх свой поборола, вынула из сумочки хлеб, обмакнула его в варенье и протянула волку: «На, серый, подкрепись. А я твою рану перевяжу».

Волк лизнул ее руку шершавым языком и присмирел. Катюша разорвала свой чистый платочек, промыла лапу из лесного родничка, перевязала.

И вдруг — о чудо! — тучи расступились, солнце выглянуло, и с неба упала первая звездочка. Да не простая, а золотая. Упала прямо к ногам Кати, и превратилась в серебряную монетку.

А волк встряхнулся, лизнул Катюшину руку шершавым языком и посмотрел на неё уже не жалобно, а благодарно. Поклонился он Катюше — по-волчьи, мордой к земле — и молвил человеческим голосом:

— Благодарствую, красна девица, за сердце твое доброе. Много зим и лет маялся я в волчьей шкуре за жадность мою, но твоя ласка бескорыстная чары

развеела. Прими от меня звездные талеры: всякий раз, как выручишь того, кто слабее тебя, упадет к ногам твоим с неба звезда.

Молвил так — и исчез, будто его и не было. Только следы волчьи на тропинке растаяли.

Вернулась Катя домой к вечеру. Дедушка на лавке сидит, хлебушек доедает. Внучка ему — раз! — высыпает на стол целую горсть монет. Старик глазам не поверил. Так и зажили они в достатке и радости.

А карта та старая с тех пор пустой лежит. Кому надо — тот и без карты дорогу найдет. Потому что самая верная тропинка в жизни не на бумаге нарисована, а идет через доброе сердце.

СКАЗКА О ЗАЙЧОНКЕ, КОТОРЫЙ ИСКАЛ СОЛНЕЧНОГО ЗАЙЦА

Горина Милана (11 лет)

На опушке дремучего леса, где трава пахла летом, а мох укрывал корни вековых деревьев, жил-был маленький, но очень смелый зайчонок по имени Пушок. У Пушка были самые длинные уши в заячьем семействе, которыми он любил дергать, когда о чем-то сильно задумывался. А задумывался он часто о Солнечном Зайце.

Все зайцы знали, что солнечным зайцем называют маленький блик солнца, который появляется на земле, когда лучи пробиваются сквозь густую листву. Но Пушок верил, что Солнечный Заяц – это настоящее, волшебное существо. Он представлял себе маленького, светящегося своего сородича, который приносит удачу и тепло.

Однажды утром, когда солнце только-только начало лениво подниматься над верхушками деревьев, Пушок решил отправиться на поиски. Он попрощался с мамой, пообещав вернуться к вечеру, и ступил на лесную тропинку.

Первым, кого он встретил, был старый мудрый Ворон-Карл. Он сидел на самой высокой ветке и задумчиво клевал прошлогоднюю ягоду.

— Куда спешишь, косой? — каркнул Ворон, прищурив свои блестящие черные глаза.

— Я ищу Солнечного Зайца! — выпалил Пушок, дернув ухом.

Ворон-Карл удивленно склонил голову:

— Солнечного Зайца? Таких не бывает, малыш. Это лишь игра света.

— Но я верю, что он есть! — упрямо ответил Пушок. — Он приносит удачу!

Ворон-Карл покачал головой, но в глазах его мелькнул огонек.

— Удача, говоришь? Что ж, тогда тебе стоит поискать там, где солнце пробивается сквозь самые большие ветви. Иди вдоль ручья, там любят прятаться утренние блики, — сказал Ворон.

Поблагодарив птицу, Пушок помчался вдоль журчащего ручья. Вода в нем была холодная и чистая, а по берегам росли удивительные цветы с лепестками, похожими на радугу. Вдруг Пушок услышал тихое пыхтение. Это был Барсук Борис, деловито роющий новую норку.

— Извините, господин Барсук, — вежливо сказал Пушок, — вы не видели Солнечного Зайца?

Борис высунул мокрую морду из земли и воскликнул:

— Солнечного Зайца? Хм... Я видел, что-то мелькнуло по земле, как золотой огонек, когда я только-только начал копать. Наверное, это и был тот самый блик. Но он быстро исчез. Чтобы увидеть его снова, надо быть очень внимательным и не бояться тени.

— Спасибо! — снова поблагодарил Пушок и продолжил путь.

Он шел все глубже в лес, где деревья стояли так плотно, что солнце проникало лишь редкими, дрожащими лучами. Пушок уже начал немного уставать, как вдруг услышал тихий писк. На земле, запутавшись в колючем кустарнике, сидела маленькая, перепуганная Мышка-Полевка.

— Ой, я боюсь! — пискнула она.

Пушок, несмотря на свою усталость, не раздумывая, подбежал к кустарнику. Он осторожно, своими мягкими лапками, раздвинул колючие ветки, и Мышка-Полевка смогла выбраться.

— Спасибо тебе, добрый зайчонок! Ты меня спас! — пропищала она, — ты такой смелый! Я думала, что совсем пропаду.

— Я просто помогаю, — пробормотал Пушок и застеснялся.

— Знаешь, — сказала Мышка-Полевка, — когда ты меня спасал, сквозь ветки упал такой яркий, теплый луч солнца. Он осветил все вокруг, и мне стало совсем не страшно. Может быть, это и был твой Солнечный Заяц? Я думаю, он появляется там, где кто-то делает доброе дело.

Слова Мышки-Полевки заставили Пушка задуматься. Он посмотрел на свои лапки, которые только что помогали другому, и почувствовал, как внутри разливается тепло, похожее на солнечный луч.

Пушок пошел дальше, уже не так активно ища, а скорее наблюдая. Он увидел, как семья ежей мирно переходила дорогу, как птичка кормила своих птенцов, как листик упал в ручей и плавно поплыл по течению. И каждый раз, когда он видел такое доброе, заботливое действие, ему казалось, что солнечный зайчик-блик мелькал где-то совсем рядом, освещая все вокруг.

Уже вечерело, когда Пушок, уставший, но довольный, шел обратно к дому. Он не поймал Солнечного Зайца, но он понял кое-что важное. Он понял, что смелость, доброта и забота — это и есть те самые волшебные лучи, которые делают мир ярче и теплее. А когда мы совершаем добрые поступки, мы сами становимся такими же «солнечными зайчиками», приносящими свет и удачу другим.

Когда Пушок пришел домой, мама-зайчиха крепко обняла его.

— Ты вернулся, мой дорогой! И ты сегодня такой светлый!

Пушок улыбнулся, и его улыбка была ярче самого солнечного зайчика, которого он так долго искал. Он понял, что самые настоящие волшебные существа живут не только в лесу, но и в наших сердцах, когда мы делаем добро.

ПОЧЕМУ ДЯТЕЛ СНОВА СТАЛ СТУЧАТЬ

Двинских Арина (10 лет)

Эта история произошла в одном из многочисленных лесов нашей необъятной страны. И вот в таком дремучем лесу жил-был дятел по имени Тук-Тук. Тот самый, который целыми днями стучит по деревьям: тук-тук-тук! Раньше ему это нравилось, он чувствовал себя настоящим лесным доктором, спасающим деревья от вредителей. Но однажды он подумал: «А что, если попробовать жить, как другие птицы? Летать с места на место, петь песни, вить гнёзда на ветках...». Он махнул крылом и отправился искать новую жизнь.

Первой ему встретилась воробиха на старой берёзе:

— Привет, дятел! — чирикнула она. — Чего такой задумчивый?

— Хочу жить, как вы, воробьи, — ответил он. — Летать туда-сюда, собирать крошки, веселиться!

— О, это просто! — обрадовалась воробиха. — Смотри, как мы строим гнездо: берём травинки, пушинки, веточки...

Дятел Тук-Тук попытался свить гнездо — таскал травинки, укладывал их клювом... Но его клюв был слишком крепким и толстым — он ломал всё, что пытался уложить! А когда он попробовал поклевать крошку хлеба, то случайно вонзил клюв в землю, и кое-как смог его оттуда вытащить. Воробихи захихикали, а дятел, смутившись, решил попрощаться с воробьями и их жизнью.

Полетев дальше, Тук-Тук увидел соловья, который сидел на ветке и распевал чудесные песни.

— Как красиво ты поёшь! — восхитился Тук-Тук. — Научи меня!

— С удовольствием! — отозвался соловей. — Слушай: сначала берёшь ноту «ля», потом плавно переходишь на «ми».

Он набрал воздуха и... вместо красивой песни получилось привычное: «ТУК-ТУК-ТУК»!!!

Соловей встрепнулся, а потом вежливо сказал:

— У тебя оригинальный стиль, очень похож на марш. Но, может, тебе стоит попробовать что-то другое?

Увы, красивой песни у Тук-Тука так и не получилось. Тогда он полетел к аистам, которые стояли на краю болота.

— Привет! — крикнул им дятел. — Можно с вами? Буду стоять на одной ноге и ловить лягушек!

— Конечно, присоединяйся! — добродушно ответил старый аист.

Тук-Тук встал на одну ногу и тут же упал в холодную воду. Его короткие лапки не были приспособлены для такого! Пока он выбирался из воды, весь промок, а аисты сочувственно качали головами. Для них стояние на одной ноге было делом привычным.

Уставший и расстроенный, дятел присел на пенёк. Вдруг сверху раздался звонкий голос:

— Ку-ку! Почему ты грустишь?

Он поднял голову. Высоко на ветке сидела кукушка — красивая, с длинными пёстрыми перьями. Тук-Тук ответил:

— Я устал целыми днями стучать и захотел жить, как другие птицы, но не смог. Не вышло у меня ни гнездо свить, ни песню спеть, ни на одной ноге постоять.

— Так ты ищешь лёгкую жизнь? — весело спросила кукушка. — Тогда иди ко мне в ученики! Зачем тратить силы на строительство, когда можно подбросить яйцо в чужое гнездо? Смотри, как это делается!

Она показала, как ловко пробирается в гнездо к пеночке, выталкивает одно яйцо и подкладывает своё.

— Видишь? Никаких хлопот! Другие птицы сами вырастят моих птенцов, накормят, научат летать. Красота!

Тук-Тук смотрел на это и чувствовал — что-то здесь не так.

— Но разве это честно? — спросил он кукушку. — Эти птички ведь будут трудиться, растить твоего малыша.

— Честность — это скучно! — махнула крылом кукушка. — Главное, чтобы было удобно. Присоединяйся!

Тук-Тук понял, что так поступать не позволит ему совесть. Ему нравилось своими силами делать что-то полезное — как раньше, когда он очищал деревья от вредителей.

— Спасибо, но я хочу сам строить свою жизнь и отвечать за свои поступки, — ответил он кукушке.

Кукушка пожала плечами:

— Как знаешь. Но потом не жалуйся, что тяжело!

— Зато честно, — ответил Тук-Тук, и вдруг почувствовал, что ему стало легче на душе.

Он ещё немного посидел на пеньке, размышляя. И вдруг услышал над головой стремительный свист. Подняв голову, он увидел, как в небе, высоко над лесом, кружат стрижи — быстрые, как стрелы, с длинными узкими крыльями.

Один из них, самый любопытный, резко полетел вниз, едва не задевая Тук-Тука кончиками крыльев:

— Эй, дятел! Чего грустишь?

Тук-Тук ответил, что не хочет жить, как кукушка. Но и не знает, кем хочет быть.

— Так лети с нами! — воскликнул стриж. — Мы — самые быстрые птицы в небе! Забудь про деревья и стук, почувствуй ветер, обгоняй облака!

Стрижи устроили целое представление: ныряли вниз, взмывали вверх, кувыркались в воздухе, свистели крыльями.

— Попробуй! — крикнул дятлу стриж.

Дятел расправил крылья и взлетел! Сначала всё шло хорошо. Но когда стрижи рванули вперёд, набирая скорость, Тук-Тук понял, что не успевает за ними. Его крылья были короче, и полёт давался ему тяжело.

Он отчаянно махал крыльями, но быстро устал. Ветер свистел в ушах, а стрижи были уже очень-очень далеко. Дятел приземлился на ель, вцепился в ветку и перевёл дух.

Он понял, что за стрижами ему не угнаться.

Мимо пролетала мудрая сова.

— Что грустишь, Тук-Тук? — спросила она, садясь рядом. Он рассказал ей про свои неудачи: как не смог свить гнездо, спеть песню и постоять на одной ноге.

— У каждого своя роль в лесу. Ты — дятел! И твоя работа в лесу очень важна. Без тебя вредители съедят весь лес!

Дятел задумался. А потом вспомнил, как раньше радовался, когда находил личинок под корой, как гордился чистым деревом после своей работы.

Он взлетел с новой силой. С тех пор он больше не завидует другим птицам. Он — лесной доктор, и его работа важна. Ведь быть собой — самое интересное приключение!

НЕ ТОРОПИСЬ БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ!

Крец Анна (13 лет)

Жила-была одна девочка Варя, ей было 8 лет. Эта девочка не хотела учиться, ей очень не нравилось рано просыпаться, ходить в школу и учить уроки. Помогать маме и бабушке она тоже не хотела. Зато ей очень нравилось гулять на улице и играть в телефоне. Больше всего на свете Варя мечтала скорее стать взрослой. Она думала, что как только она вырастет, ей можно будет целыми днями бездельничать, и никто не будет её заставлять что-то делать.

Однажды Варя шла после школы домой и по привычке достала свой любимый телефон. Она заглянула в социальную сеть, где у неё было много друзей. Не успела девочка присесть на лавочку, чтобы полистать ленту новостей, как вдруг ей пришло сообщение от незнакомого человека, в письме было приглашение во взрослую жизнь. Варя с интересом прошла по ссылке, которую ей прислал незнакомец, но ссылка была пустая. Девочка расстроилась и пошла домой. Дома, как всегда, её ждали уроки. Учить уроки в этот день Варя не стала, единственное, что она сказала перед сном: «Хочу быть взрослой и решать, что и когда мне делать!»

Утром, когда Варвара проснулась и пошла умываться, оказалось, что она стала взрослой. Сначала девочка не поняла, что с ней произошло. Она не поняла, что за взрослая тётенька смотрит на неё в отражении зеркала. В этот момент зазвонил телефон. Когда Варя ответила на телефонный звонок, она услышала недовольный голос какой-то женщины, которая громко говорила о том, что Варвара опять опаздывает на работу и у неё не готов какой-то отчёт. Варя ничего не понимала, она села на край кровати и задумалась: «Что происходит?». Это был единственный вопрос, который она повторяла вновь и вновь.

Не успела Варя выйти из комнаты, как на неё набросились два маленьких ребёнка, которые просили кушать. Варвара начала понимать, что её желание сбылось, что теперь она стала взрослой. Она поняла, что звонили ей с работы и что

эти два маленьких ребёнка — это, наверное, её дети, которые хотят кушать. Но, к сожалению, она не знала, что ей делать. Она быстро сделала хлопья с молоком, накормила детей, отвела их в детский сад и пошла на работу.

На работе она весь день бегала по этажам офиса, где на Варвару кричали и постоянно что-то требовали от неё. Но что ей делать на работе она тоже не знала, ведь она окончила только первый класс и ничего не умела.

Варвара шла домой и плакала. Во дворе дома ей встретились её одноклассники и друзья, которые уже пришли после школы, выучили уроки, сделали домашние дела и счастливые бегали на игровой площадке. В этот момент Варя стало ещё обиднее, слёзы по щекам текли сами по себе. Единственное о чём она думала теперь: «Детство, вернись!»

Варя зашла в комнату, умылась от слёз, и прилегла. Столько мыслей у неё было в голове! Как она хотела пойти в школу и потом пойти гулять со своими друзьями! Ну и пусть, что нужно учить уроки! Ну и пусть, что рано вставать! Ну и пусть - помогать маме! Главное вернуться туда, в детство!

Голова пошла кругом и Варя уснула. Когда она проснулась и посмотрела на себя в зеркало, то увидела в отражении маленькую красивую девочку с припухшими глазками. Радости Варвары не было предела. Она вбежала на кухню и с удовольствием стала помогать маме и бабушке накрывать на стол. А в голове у Вари крутились слова: «Всему своё время».

С тех самых пор немало времени прошло, много воды утекло, а девочка Варя стала ценить детство. Каждое утро она вставала рано и с удовольствием учила уроки. Девочка ценила каждый миг своего детства.

Больше Варвара не торопила время и не торопилась быть взрослой.

КАША ИЗ ТОПОРА. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Машина Марина (13 лет)

Сытная каша была съедена до последней капельки. Старуха облизала ложку и, вздохнув, убрала со стола. Солдат же, поправив за спиной вещмешок, поклонился:

— Спасибо за хлеб-соль, хозяйюшка. Сытнее каши я в жизни не едал. Пора и в путь-дорогу.

Он взял свой топор, чисто вымытый и завернутый в тряпицу, надел фуражку и вышел за порог. Старуха проводила его до калитки, но в глазах у нее уже не было ни жадности, ни злобы. Было там что-то другое — то ли стыд, то ли грусть.

Солдат шел по пыльной дороге, насвистывая песенку. День клонился к вечеру, и он присматривал место для ночлега. Вдруг сзади послышалось шумное дыхание и топот. Оглянувшись, он увидел ту самую старуху. Она бежала за ним, держась обеими руками за грудь, и была без платка.

— Ваше благородие, служивый! Пойдите, ради Христа! — выдохнула она, поравнявшись с ним.

Солдат нахмурился. «Неужто спохватилась о масле да крупе?» — подумал он, крепче сжимая топор.

Старуха подошла вплотную и вдруг... поклонилась ему в пояс.

— Прости меня старуху, — сказала она тихо, — я ведь поняла все.

— Чего ж ты поняла? — удивился солдат.

— А то, что ты меня стыдить пришел, а не кашу варить. Топором ты меня по носу щелкнул, а я-то, дура старая, за крупой следила. Язык твой солдатский я плохо понимала, а вот как ты кашу мешал — с терпением да с выдумкой — это я поняла. Одиноко мне, служивый. С тех пор как сын на чужбину уехал и пропал без вести, я никого в дом не пускала. Жила, как в берлоге.

Солдат смягчился лицом. Он вспомнил, как она сначала жадничала, а потом, пока каша томилась, рассказывала ему про сына.

— Понял я тебя, мать, — кивнул он. — Не за кашей я приходил, верно. За тем пришел, чтобы ты поверила людям снова.

Они постояли молча. Солдат вдруг снял с плеча вещмешок и достал оттуда краюху хлеба.

— На. — протянул он. — С твоим маслом да кашей, да с моим хлебом — во какой пир мог быть!

Старуха всплеснула руками:

— Да ты что, служивый! Да как же я... Да оставайся ты ночевать! В доме тепло, баня истоплена. А я тебе настоящих щей налью, без топора!

Солдат усмехнулся и вернулся.

Вечером они сидели за тем же столом. Солдат ел щи, а старуха, глядя на него, говорила:

— Раньше я думала, что люди говорят на разных языках. Богатый с бедного не поймет, старый с молодым не сговорится. А теперь вижу: язык у всех один. На языке жадности мы с тобой сначала беседовали — глухие были. А как ты топор в котел опустил да шутить начал, мы на язык дружбы перешли. А он перевода не требует.

— Верно, хозяйюшка, — согласился солдат. — Тот язык и глухого слышащим делает, и немного — говорливым. На нем и враги мирятся, и странники дом находят.

Наутро солдат собрался уходить. Но на этот раз старуха вынесла ему в дорогу целый узелок с пирожками, сухарями и даже маленький горшочек масла — «на всякий случай».

— Приходи еще, служивый! — крикнула она вслед. — Теперь у меня для гостей всегда припасено!

Солдат обернулся, помахал рукой и крикнул в ответ:

— А я к тебе без топора приду, по-соседски!

И пошел он дальше, напевая. А навстречу ему из леса вышел звериной тропой путник — загорелый, в чужой одежде, с котомкой за плечами. Увидел солдата, остановился и спросил что-то на незнакомом языке. Солдат ничего не понял, но увидел, как устал человек, протянул ему пирожок и показал рукой на дом старухи — мол, там накормят, обогреют.

Человек улыбнулся, кивнул и пошел по той тропе, куда указал солдат.

А старуха, которая стояла на крыльце, увидела этого путника, всплеснула руками и бросилась к калитке — потому что узнала в нем своего пропавшего сына.

И говорят, что в тот день поняли они все: не в топоре было дело, и не в каше. А в том, что если сердце открыто, то любой язык становится родным, а любая дорога ведет домой.

ШЁЛК И ПЛЮШ**Василюк Анастасия (8 лет)**

Алиса кружилась перед шкафом, разбрасывая вокруг себя маечки, блузочки, бантики... Сегодня вечером — ёлка у подружки! А как нарядиться — не знала. Платье с рюшами? Или юбку с блёстками? Она вздыхала...

На диване, укутавшись в вязаный плед, сидела бабушка и с улыбкой наблюдала за мучениями внучки.

— В мои годы, — тихо сказала она, — самый лучший наряд хранился не в шкафу, а в маминых руках.

Алиса замерла. Бабушкины рассказы были волшебнее любой сказки. Она подошла и пристроилась рядом, уткнувшись носом в мягкий плед.

— Это было во время войны, — начала бабушка, и её глаза смотрели куда-то далеко. — Одежды почти не было. Мы, дети, донашивали то, что осталось от старших. Но однажды мама принесла домой свёрток. Это был шёлк. Нежный, прохладный шёлк сбитого немецкого парашюта.

Алиса представила себе не самолёт, а огромный, злой гриб-дождевик, падающий с неба.

— Мама долго кипятила его с золой, чтобы отбелить, — продолжала бабушка. — А потом сшила мне платье. Оно было белым, как первый снег, и мама пришила на груди маленькие бусинки в форме сердечка. А ещё у меня была шинель. Не моя, папина. Она была такой тяжёлой и колючей, что под ней я казалась себе маленьким сурком. Но она пахла отцом, и потому была самым дорогим пальто на свете.

Бабушка замолчала, глядя на огоньки гирлянды. Алиса видела, как дрогнули её морщинки у губ. Она вдруг поняла, то платье из парашюта и та колючая шинель для бабушки — не просто старая история. Это как её, Алисин, плюшевый заяц, без которого нельзя заснуть. Только в тысячу раз важнее.

Девочка сползла с дивана и решительно направилась к своей комнате. Она на минутку скрылась за дверью, а потом вернулась, крепко сжимая что-то в руке. Это был её заяц, самый первый друг, с одним ухом и вытертой шёрсткой. Она его никому и никогда не давала.

— Бабуль, — сказала Алиса, протягивая игрушку. — Это тебе.

Бабушка удивлённо подняла брови.

— Зачем, милая? У тебя же сегодня праздник.

— Он самый дорогой, — твёрдо заявила девочка. — Как твоё платье. И... и он очень тёплый. И пахнет мной, домом и конфетами. Держи его, пока я в гостях. Чтобы ты не скучала.

Слёзы выступили на глазах у старушки, но это были слёзы счастья. Она взяла потрёпанного зайца, прижала к щеке и закрыла глаза.

— Спасибо, моя внученька. Теперь я знаю, что у меня есть самый тёплый и самый храбрый защитник в мире.

Алиса посмотрела на шкаф, и выбор перестал быть таким уж сложным. Она надела самое простое синее платье. Потому что поняла: настоящая красота — не в рюшах и блёстках, а в памяти, которая живет в самых простых, самых дорогих вещах.

ОГОНЕК В ТИШИНЕ

Постникова Кира (9 лет)

В деревне Чудино 1947-ой год выдался тихим. Мужчины, вернувшиеся с фронта, говорили мало, будто берегли слова, а женщины плакали тихонько, чтобы не пугать детей. Сашка и Варя были, как говорят, не разлей вода. Их дружба началась ещё в сорок третьем, когда они вместе прятались в погребе во время бомбежек. Сашка был молчаливым и серьезным. Его отец пропал без вести и теперь он считал себя главным мужчиной в доме. Варя же была тонкой, как весенний росток, с огромными голубыми глазами. После войны ребята вместе пасли коз, вместе искали в лесу ягоды и вместе любили ходить к деду Степану.

Дед Степан был человеком особенным. В деревне его уважали, но немного сторонились: он не ходил на собрания и никогда не ругался. А еще дед Степан верил в Бога. В те годы об этом старались не говорить, но дети знали: в самом дальнем углу за печкой, прикрытая старым холщовым мешком, висела потемневшая от времени икона Николая Чудотворца.

— Дедушка Степан, а почему ты прячешь икону? — спросила однажды Варя, когда они втроем сидели на крылечке.

Дед Степан аккуратно отломил горбушку хлеба, перекрестил её незаметно и ответил негромко:

— Я, Варенька, не прячу. Просто вера любит тишину. Сейчас мир только-только из пепла встает, сердца у людей обожженные. Им время нужно, чтобы оттаять.

Сашка, который считал себя уже совсем взрослым, хмурился:

— А мамка в письме из города пишет, что главное — это наука. Она всё построит. Вот, во что нужно верить.

Дед Степан только улыбнулся:

— Наука, внучок, мост построит. А вот кто человеку сил даст по этому мосту идти, когда ноги подкашиваются? Вот то-то и оно.

Однажды летом приключилось несчастье. Сашка и Варя пошли в лес за ягодами и заблудились. Лес после войны был страшным: кое-где ещё торчали обломки самолётов, а в оврагах чернели сгоревшие машины. Опустились сумерки, пошел дождь. Ребята прижались друг к другу от страха и укрылись под старой елью. Варя плакала, а Сашка, хоть и храбрился, но чувствовал, как внутри всё сжимается от страха.

— Саша, мне страшно... — еле слышно шептала Варя. — Вспомни, что дедушка говорил. Как он там шептал по вечерам?

И Сашка, который всегда делал вид, что не слушает дедовские молитвы, вдруг вспомнил. Он закрыл глаза и прошептал что-то очень тихо.

Они сидели так долго, пока в темноте не мелькнул огонек. Это был дед Степан с зажженным фонарем. Он шел по лесу уверенно, будто его кто-то вел.

Когда ребята вернулись домой, дед напоил их теплым отваром из липы и впервые при детях откинул холстину с иконы. Он достал маленькую, самодельную лампадку и зажгёт её. Слабый огонёк отразился в глазах детей.

— Видите? — сказал дед. — Огонёк маленький, а темноту раздвигает. Вот так и вы в жизни — светите друг другу! Дружба ваша сильнее всего на свете. Война всё хотела разрушить, а любовь человеческую не смогла.

В ту ночь Сашка и Варя долго не могли уснуть. Они лежали и смотрели на звезды, которые казались им такими же маленькими огоньками.

— Знаешь, Варя, — прошептал Сашка. — А ведь дед прав. Если бы Бога не было, как бы он нас в лесу нашёл? Да и откуда бы в людях после войны любовь и доброта остались?

— Мы всегда будем дружить, Сашка. Даже когда вырастем. Чтобы огонёк не погас.

Шли годы, деревня отстраивалась, раны затягивались. Сашка стал инженером, Варя — врачом. Но до конца своих дней они помнили ту тихую избу и мудрые слова деда Степана, который научил их самому главному: верить в свет даже тогда, когда вокруг самая густая тьма. И их дружба, пронесенная через десятилетия, была лучшим доказательством того, что дед Степан был прав.

КОД ЕДИНСТВА: ТАЙНА СТАРОЙ КРЕПОСТИ

Горобченко Александр, (11 лет)

Артем Волков был тем самым учеником, которого учителя ставили в пример, а одноклассники иногда тихо подкалывали за излишнюю серьезность. Восьмиклассник из школы номер 7, он жил историей. Пока другие листали ленту соцсетей, Артем изучал старинные карты своего края и читал хроники Смутного времени. Его мечта — стать археологом и найти забытые сокровища прошлого.

Но была одна проблема: учитель истории, строгая Елена Викторовна, считала Артема «сухарем» и занудой. Она часто говорила: «История — это жизнь людей, Артем, а не даты в учебнике!». Из-за этого Артем, несмотря на энциклопедические знания, никак не мог получить высший балл за четверть.

За неделю до Дня народного единства Елена Викторовна написала на доске фразу: «Единство народов – сила страны».

— Кто объяснит смысл этих слов не по учебнику, а своими словами? — спросила она, обводя класс взглядом.

Класс молчал. Кто-то смотрел в телефон, кто-то зевал.

— Можно я? — поднял руку Артем. — Давай, Волков. Только без цитат.

Артем выпрямился:

— Это значит, что, когда разные люди, говорящие на разных языках и верящие в разное, объединяются ради общей цели, их невозможно победить. Как в 1612-ом году. Минин и Пожарский собрали ополчение из русских, татар, марийцев, чувашей... Все они были разными, но стали одним кулаком, чтобы выбить врага из Москвы. В этом и есть сила.

Елена Викторовна кивнула, в её глазах мелькнуло одобрение:

— Верно. Отлично знаешь материал. Но поймут ли это твои одноклассники?

Тут с задней парты раздался смех. Это был Макс Орлов, лидер класса, капитан футбольной команды и главный скептик.

— Да бросьте вы! — фыркнул Макс. — Какая там сила единства? Если бы там были настоящие герои-одиночки, как в кино, они бы всё решили быстрее. Толпа только мешает. Один умный стратег лучше сотни разношерстных людей. История — это про личных героев, а не про «дружные хороводы».

Класс зашушукался. Многие согласно закивали: идея супергероя-одиночки казалась куда круче.

Елена Викторовна хитро улыбнулась:

— Интересная теория, Орлов. Волков, у тебя есть шанс доказать обратное не словами, а делом. В эти выходные в городском парке, у руин старой крепости, пройдет исторический квест «Наследие». Если ты сможешь организовать команду так, чтобы она победила там, где одиночки проигрывают, твоя пятерка за четверть обеспечена. Но условие одно: в команде должны быть ребята из разных кружков и компаний, которые обычно не дружат.

Артем задумался. Это был вызов.

В субботу у ворот парка собралась странная компания. Артем набрал не друзей, а тех, кого Макс считал «неудачниками»: тихую художницу Лену, которая знала все гербы городов; Кирилла, геймера с отличной реакцией; и Азамата, новичка из параллельного класса, сына геолога, который отлично ориентировался на местности.

— Серьезно? — усмехнулся подошедший Макс со своей командой «Звезд», состоящей из самых популярных и спортивных ребят школы. — Твоя сборная солянка против моих асов? Даже смешно. Мы пройдем этот квест за полчаса, пока вы будете договариваться, кто первым шагнет.

Правила квеста были просты: нужно было найти три части старинного ключа, спрятанные в разных концах лабиринта руин, и открыть сундук в центре. Побеждала та команда, которая сделает это первой.

Старт дан!

Команда Макса рванула вперед. Они бежали быстро, уверенно снося всё на своем пути. Но первое же испытание поставило их в тупик. Перед ними была высокая стена с надписью на старославянском и сложным узором.

— Я силу применю! — крикнул один из футболистов и попытался подсадить другого. Не вышло, стена была слишком гладкой.

— Может, сломаем замок? — предложил другой. Но время шло, а решения не было. У них не было того, кто знал язык или разобрался в узорах.

Тем временем команда Артема действовала иначе.

— Стоп! — скомандовал Артем. — Лена, смотри на узор. Это же символы народов Поволжья!

Лена мгновенно распознала знаки:

— Смотрите, здесь скрыт код! Нужно нажать камни в порядке, соответствующем дружбе этих народов.

Азамат изучил землю у стены:

— Тут грунт рыхлый, если встать вот здесь, можно сделать устойчивую подставку.

Кирилл, благодаря своей реакции в играх, четко координировал движения:

— Лена, жми второй камень! Азамат, приседай ниже! Сейчас!

Щелчок! Стена с гулом отъехала в сторону, открывая проход.

На втором этапе нужно было перебраться через ров с помощью запутанной системы канатов. Команда Макса снова застряла: они тянули канаты каждый в свою сторону, пытаясь перетянуть друг друга, и конструкция едва не рухнула. Артем же распределил роли: Азамат, как сын геолога, проверил надежность узлов, Кирилл рассчитал траекторию качелей, а Лена подсказала, какой канат соответствует какому цвету на карте. Они двигались как единый механизм, поддерживая друг друга в трудную минуту.

Финишная прямая. Сундук с ключом стоял в центре зала, охраняемый головоломкой: четыре рычага, которые нужно было повернуть одновременно. Но расстояние между ними было таким, что один человек физически не мог дотянуться даже до двух, не говоря уже о четырех.

Макс и его ребята подбежали первыми.

— Быстро! Хватайте рычаги! — крикнул Макс. Они схватились, но не смогли синхронизироваться.

— Раз, два... три! — командовал Макс, но кто-то дергал раньше, кто-то позже. Механизм блокировался. Они пробовали снова и снова, потея от напряжения, но сундук не открывался. Их гордость мешала слушать друг друга. Каждый считал, что именно он должен командовать.

В этот момент подбежала команда Артема. Они даже не пытались хвататься все сразу.

— На счет три! — спокойно сказал Артем. — Лен, ты готова? Кир, Азамат?

— Готовы! — хором ответили они.

— Раз... Два... Три!

Четыре руки синхронно повернули рычаги. Механизм мягко загудел, шестеренки зашкрипели, и крышка сундука медленно поднялась. Внутри лежал не золотой ключ, а свиток с печатью.

Макс остановился, тяжело дыша. Он смотрел то на открытый сундук, то на свою мощную, но бессильную команду.

— Как вы это сделали? — спросил он, вытирая пот со лба. — Вы же даже не самые сильные и не самые быстрые.

Артем развернул свиток и прочитал вслух: «Сила не в мышцах одного богатыря, а в плече друга рядом. Когда разные руки тянут в одну сторону, любая дверь открывается».

Макс молчал минуту, потом медленно кивнул:

— Получается, я был неправ. По отдельности мы были просто группой людей. А вы... вы были одним целым. У каждого — свой талант, и вы сложили их как пазл.

В понедельник на уроке царил необычный настрой. Макс первым поднял руку:

— Елена Викторовна, я хочу извиниться перед Артемом. И сказать, что он прав. Единство — это когда ты понимаешь, что твой сосед отличается от тебя, и именно это отличие помогает вам победить. Без Лены мы бы не прочли надпись, без Азамата упали бы в ров. Сила страны — в том, что мы разные, но вместе.

Класс поддержал его аплодисментами. Даже те, кто раньше смеялся над «занудой» Артемом, смотрели на него с уважением.

Елена Викторовна улыбнулась и поставила в журнал Артему жирную пятерку.

— Вот теперь, — сказала она, — вы поняли историю не умом, а сердцем. День народного единства — это не просто дата в календаре. Это напоминание о том, что наша главная суперсила — это умение быть вместе, несмотря на различия.

Артем посмотрел на своих новых друзей: Лену, Кирилла, Азамата и даже Макса, который теперь сидел с ними за одним столом. Он понял, что нашел самое важное сокровище, о котором мечтал любой историк: живую связь времен и людей.

ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛЮДЬМИ

Алмакаев Тимофей (12 лет)

На витринах магазина красовались пакетики и баночки с лакомствами для наших любимых питомцев. Как же повезло моему Ваське, крупному шотландцу: корм со вкусом курицы, корм со вкусом индейки и даже корм с двойным вкусом. Разве это не прелесть? Каждый раз, когда я наполняю мисочку своему любимцу, с улыбкой наблюдаю, как все это быстро «уничтожается».

— Да, повезло Василию, — сказала как-то раз прабабушка, которая тоже решила побаловать кота очередной ложечкой сметаны. — Ешь, мурлыка, — продолжала она, поглаживая шелковую шерстку. Но какая-то грустная нотка зазвучала в ее голосе.

— Бабуля, что случилось?

— Ничего, дорогой, просто я вспомнила свое детство.

— Расскажи!

— Моя мама работала в Ленинградском зоопарке. Он и сейчас так называется. Странно, город Санкт-Петербург, а название не изменилось, — прабабушка немного помолчала, а потом продолжила. — Был голод. Невыносимый голод. Очень страшное время. Рвались бомбы, не прекращались воздушные налеты, и наш зоопарк тоже попал под удар. Помню, как в один из таких налетов погибла моя любимая слониха Бетти. Да, много животных погибло: одни от взрывов, другие от страха, сердечко не выдержало. Но это было не самое страшное!

— Что же может быть страшнее смерти?

— Голод, детка, голод!.. Гибли люди, гибли и животные. Помню, как мама вместе с другими сотрудниками зоопарка собирала на полях трупы лошадей, убитых при обстреле, чтобы прокормить хищников. Кто-то приносил свеклу, морковь, но все запасы вскоре иссякли.

Я с ужасом слушал рассказ прабабушки и смотрел на Ваську, который спокойно грелся на подоконнике, полизывая лапку.

— Каждый день работники зоопарка думали, как прокормить животных, около двух сотен зверей и птиц, продолжала бабуля. — Помню, мы с мамой и соседкой тетей Глашей рвали траву, собирали желуди, каштаны, рябину.

— А тигры тоже ели траву? — удивился я.

— Конечно, нет. Тетя Наташа, подруга мамы, предложила делать смесь из овощей и заворачивать в кроличьи шкурки. Эти «обманки» пропитывали рыбьим жиром, и они действовали. А когда не осталось овощей, варили опилки и отруби. Помню один удивительный случай. У пары гамадрилов родились детеныши. Вот чудо-то! Но из-за голода мать умерла, тогда моя мама поехала в ближайший роддом и добилась, чтобы малышку прикрепили, и в зоопарк каждый день привозили маленькую бутылочку грудного молока. И детеныш выжил!

Да, все делились последним, даже хлебные крошки приносили. Сами голодали, а своих питомцев не оставляли. Конечно, многие животные не вынесли потрясений, голода. Но большая часть выжила. И все благодаря таким людям, как моя мама, их ежедневный подвиг сохранил жизнь многим питомцам. Да и жители города не оставались равнодушными, ведь пока в Ленинграде бы зоопарк, пока рождались детеныши, пока люди приносили воду для любимого бегемота, город не сдавался.

В это время Василий с важным видом спрыгнул с подоконника и стал ласкаться о прабабушкины руки. Он мурлыкал и жмурился, довольный жизнью. Прабабушка погладила его и заплакала.

— Бабуля, не плачь! Ну, что ты?

— Ничего, дорогой, ничего. Знаешь, однажды, когда мама в очередной раз упала в голодный обморок, я в отчаянии спросила, не лучше ли было спасти людей, а не животных? Для чего такие жертвы? А мама ответила: «Чтобы чувствовать себя людьми»!

Прабабушка взяла ласкунчика Василия на руки и стала чесать его за ушком. А я смотрел на нее и думал о подвиге людей, благодаря которым сохранился Ленинградский зоопарк, символ надежды и веры, стойкости и человечности!

СКВОЗЬ ОГОНЬ И СНЕГ

Душаев Юрий (13 лет)

Раннее утро 1942-го года. Подмосковная деревенька, сжавшаяся под натиском лютой зимы, казалась обречённой. Немецкие сапоги топтали её окраины, дым от сгоревших домов смешивался с едким запахом пороха. Но в маленькой, покосившейся избе, где единственным источником света была тусклая керосиновая лампа, горел огонек надежды. Этот огонек светился в глазах двенадцатилетнего Петьки.

Петька был обычным мальчишкой. Любил рыбачить на речке, гонять голубей на крыше и мечтать о том, как вырастет и станет лётчиком. Но война украла у него детство, оставив лишь страх, голод и тяжесть ответственности. Отец ушел на фронт, мать, как и многие женщины деревни, помогала нашим войскам, но сегодня она лежала бледная, с высокой температурой, не в силах даже подняться.

В тот день немецкий отряд, прочёсывая окрестности в поисках партизан, ворвался в деревню. Они были жестоки и беспощадны, требуя продовольствия и информации. Петька, спрятавшись с матерью в погребе, слышал крики, выстрелы, плач. Его сердце колотилось как сумасшедшее. Когда захватчики ушли, оставив после себя пепелище и горе, Петька понял: он больше не может сидеть сложа руки.

На следующий день, пока мать слабым шёпотом просила его остаться, Петька, обутый в обветшалые валенки и закутанный в дедовскую фуфайку, выскользнул из дома. В руках он держал старую карту, которую отец оставил ему на память, и маленький свинцовый пистолет, найденный среди обломков сарая. Его цель была проста и одновременно почти невыполнима — добраться до штаба наших войск, расположенного где-то в лесах, и сообщить о передвижении вражеских сил.

Путь лежал через заснеженные поля и густые молчаливые леса. Мороз сковывал тело, ветер пронизывал до костей, но Петька шёл. Каждый шаг был борьбой, каждый шорох заставлял его сердце замирать. Он видел следы волчьих лап, слышал карканье ворон, но главной опасностью были они — немцы. Ему пришлось прятаться в сугробах, перебегать открытые пространства, притворяться мертвым, когда над головой пролетали самолеты. Голод терзал желудок, ноги несли по инерции. Единственное, что поддерживало его — это образ матери, ждущей его дома, и вера в победу.

На исходе второго дня, обессиленный и почти потерявший надежду, Петька вышел к небольшой речушке. Её берега были круты и обрывисты, а вода – ледяной. Перебраться через неё казалось невозможным. В тот момент, когда уже готов был упасть без сил, он увидел на другом берегу что-то похожее на огонь. «Неужели это наши?» Собрав последние силы, Петька начал спускаться к воде. Свист пуль заставил его вздрогнуть. Неподалёку, на заснеженном холме, располагался немецкий наблюдательный пункт. Они заметили его.

— Стой! Руки вверх! — раздался грубый окрик на ломаном русском.

Петька замер, сердце его снова забилося в груди. Он был в ловушке. Немцы начали спускаться к реке. В этот критический момент, когда казалось, что всё потеряно, Петька вспомнил о свинцовом пистолете. Не для боя, нет. Он был слишком мал для этого. Но у него был другой, более опасный, чем любое оружие,

козырь — информация. Он понимал, что сдаться — значит обречь себя на пытки и, скорее всего, смерть. А его сведения могли спасти жизни. И тогда, рискуя всем, Петька совершил свой подвиг.

Он не стал ждать, пока немцы подойдут ближе. Вместо этого он бросился в ледяную воду, крича что-то неразборчивое. Пули засвистели над головой, но ледяная вода, казалось, защищала его. Он грёб изо всех сил, пытаясь добраться до другого берега. Немцы, опешив от такой наглости, продолжали стрелять, но вода и снег затрудняли их прицел.

Добравшись до берега и дрожа от холода, Петька побежал в сторону огня. Знал, что они преследуют его. Слышал их крики. Но он бежал...

Через несколько минут, когда его ноги уже отказывались слушаться, он увидел силуэты людей в зимних масках. Он закричал что было сил: «Красная Армия! Помогите!»

Солдаты увидели приближающегося мальчишку, несущегося из стороны в сторону. Сначала приняли его за вражеского диверсанта. Но когда он, падая на колени, выдохнул: «Немцы... на холме... наблюдательный пункт... там много их... идут за мной...» их подозрения развеялись.

Один из командиров, крепкий мужчина с суровым лицом, быстро оценил ситуацию. Он понял, что мальчишка не врёт. От него исходила искренность и отчаяние.

— Отлично, сынок! Ты — молодец! — сказал он, поднимая Петьку на ноги. — Спрячься здесь, и не высовывайся. Мы быстро с ними разберёмся.

Петька, дрожа, спрятался за деревом. Он слышал, как отряд наших солдат двинулся вперёд. Раздались выстрелы, взрывы. Бой был коротким, но ожесточённым. Когда всё стихло, из леса вышел тот же командир. Его лицо было напряжённым, но в глазах горел огонёк победы.

— Ну что, герой, — сказал он, подходя к Петьке. — Ты спас нас. Твоя информация помогла нам вовремя обнаружить и уничтожить этот наблюдательный пункт. Предотвратил нападение на наш штаб. Ты — настоящий русский солдат.

Он положил руку на плечо Петьки.

— Твой отец будет гордиться тобой. Ты — пример для всех нас.

Петька, забыв про холод и усталость, почувствовал, как по его щекам текут слёзы. Это были слёзы гордости и понимания того, что он, простой двенадцатилетний мальчишка, смог внести свой вклад в эту страшную для всех войну.

После этого боя Петьку, передавшего всю информацию, доставили обратно к матери, которую наши солдаты нашли обессиленной, но живой. Его подвиг не был

отмечен медалями и орденами, как у взрослых героев. Но в памяти тех, кто встретил его в тот морозный день, он навсегда остался маленьким, но отважным бойцом. Его история стала тихой легендой, передаваемой из уст в уста, напоминанием о том, что героизм не имеет возраста, а смелость и любовь к Родине могут творить настоящие чудеса, даже в самых лютых испытаниях.

СВЕТ И ТЕНЬ ЭРМИТАЖА: ЛЕГЕНДЫ, СКРЫТЫЕ В ЗАЛАХ

Ермолаева Екатерина (15 лет)

Эрмитаж спит. За окнами отстраненно и холодно мерцают звезды, оббивая полный снежно-белый месяц. В залах размеренно покачиваются занавески, то пропускавая лунный свет в помещения, то вновь закрывая ему вход. Тени от их движения пляшут по стенам, образуя причудливые завораживающие узоры. Они переплетаются, скользят меж собой, мгновенно растворяются в темноте и столь же быстро оживают, будто пытаясь донести свою трагичную историю. Их спектаклю не нужны ни зрители, ни овации. Главное — звенящая тишина, не нарушаемая никем и ничем. Сохраняй ее, и, быть может, тени позволят увидеть свой танец.

Неожиданно из дальнего зала доносится громкий возглас, и танцоры бросаются прочь.

— Вилфрид, первый и последний раз прошу тебя, будь аккуратнее! — откуда-то сверху, нарушая тишину, доносится возмущенный голос богини Сехмет. — Который год мы проворачиваем это недоразумение, и который раз ты умудряешься испачкать мне подол калазириса! Я — грозная богиня войн и яростной мести — вынуждена сидеть в луже вина, ну или что ты там достал в этот раз, и изображать полное смирение с ситуацией. Какой ужас, какой позор! Если тебе есть дело до моего мнения, то лучше бы ты приставал к вечно весёлым жителям картинной галереи. Им точно понравится такой бред, — богиня фыркнула и показательно отвернула львиную голову.

— Стараюсь как могу, госпожа, — сказал я неестественно высоким голосом и карикатурно опустил взгляд. — Искренне сожалею, что вам приходится терпеть мою наглость. До рассвета ЦЕЛЫХ четыре часа, что нестерпимо много, знаю. Признаюсь, восхищен и сражен Вашей выдержкой! — уже не скрывая улыбки, открыто шучу над статуей богини. — Что до предложения создать легенду для жителей картин, то идея призраков или перемещающихся персонажей кажется мне донельзя банальной, — перехожу на более серьезный тон. — До нас ее не использовал только ленивый. А мы, между прочим, духи из ГЛАВНОГО государственного музея, нам положено держать планку. Поэтому и выкручиваемся как можем.

— Грр, я все еще остаюсь недовольна, но... Напомни-ка, ради чего мы это делаем?

— Ну как же? Каждый год в полнолуние я разливаю у ног богини войны красное вино, ссылаясь на твою кровавую историю. Ночной сторож видит это, бежит в типографию, а на следующее утро горожане вновь трещат о том, что Эрмитаж не так прост, как кажется. Да и в конце концов, людям необходимо во что-то верить. Так пусть обращаются к нам. Пусть верят в ожившего жреца, кланяющегося Петра и ходы под дворцом. Если понадобится, создадим новые легенды, если нет — будем поддерживать старые. И пока всё это нужно людям, оно будет жить, — неожиданно для себя самого произношу мотивирующую речь.

— Звучит чрезвычайно пафосно. Но убедительно. Что же, тогда не будем терять времени, его у нас не так много. Поторопись, Вилфрид, скоро появится зритель, — Сехмет замолкает и устремляет взгляд сквозь стены, задумавшись о чем-то своем. Видимо, диалог окончен.

Я выливаю содержимое последней бутылки и легонько трясусь, чтобы понять, осталось ли что-то на дне. Получив отрицательный ответ, облегченно выдыхаю и спешу покинуть зал. На прощание киваю статуе богини и скрываюсь за тяжелой дверью. На этом мой рабочий день закончен.

Пройдут месяцы, годы, десятилетия, а я — бессменный хранитель легенд — все так же буду окутывать Зимний дворец дымкой мистики и таинства. И видится мне, как я продолжу греметь доспехами в Рыцарском зале, перекидываясь фразами с доблестными воинами; играть с детьми, кроткими или задиристыми, веселыми или печальными; сопровождать духов семьи императрицы по дворцу. Я вижу, как они смеются, улыбаются, понимаю, как чувствуют. Кого-то из них уже давно нет в живых, кого-то и не было никогда. Но все они — воплощение, бестелесная суть экспонатов. Я же — связующая тонкая нить, что проходит по всему музею, соединяя залы в единую картину. И имя этой картине — Эрмитаж.

Ну а сейчас... Сейчас пойду стучать по батареям. «Быть может, они подумают о призраках», — слегка улыбаюсь самому себе и ухожу вглубь дворца.

ЖИВ В СЕРДЦЕ

Фетисов Кирилл (14 лет)

*Памяти моего деда
Саможикова Николая Николаевича,
погибшего 23 марта 2025 года
в зоне Специальной военной операции*

Я вспоминаю своего деда Саможикова Николая Николаевича. Он запомнился мне крепким, большим, надежным. Особенно мне дороги дни, когда мы вместе ходили на Самарку ловить рыбу. Вот было здорово! Лето, солнце, речка и мы с

дедом! Ловили в основном красноперку. Но однажды дед взял меня на настоящую рыбалку!

Мы встали еще затемно: за окном едва серело, а на кухне уже пахло ароматным горячим чаем и бутербродами с домашним сыром – дед собрал нам в дорогу. Дед заговорщически подмигнул мне, затягивая рюкзак: «Сегодня, внук, научу тебя ловить щуку. Главное — терпение и тишина».

Мы шли по росистой траве к Самарке, и он рассказывал, как сам ходил на рыбалку в детстве. Его голос был низким и успокаивающим, а слова будто задавали ритм шагам.

В то утро мы пришли к нашему месту раньше обычного — солнце только-только позолотило верхушки деревьев, а над водой висел легкий, полупрозрачный туман. Все было как всегда: гладкая поверхность реки, тихий шелест камышей, знакомые камни вдоль берега. Но что-то изменилось.

Я сел на камень, разложил снасти, закинул удочку. И вдруг заметил: рядом, у самого края, лежал аккуратно сложенный кусок брезента — тот самый, которым дедушка укрывал рюкзак в дождь. Я поднял его, провел пальцами по грубой ткани, она еще хранила слабый запах дыма и машинного масла. Рядом, под камнем, блеснуло что-то металлическое. Я осторожно вытащил — это был армейский жетон с выгравированными буквами. Дедушка никогда не носил его дома, но я сразу понял: это его... Мне вдруг расхотелось рыбачить, и я предложил деду разжечь костер и поговорить. Но мой дед — человек настойчивый — всегда говорил: «Начал дело, продолжай! Не бросай на полпути!»

Тем временем, у коряги появились легкие, почти невидимые круги. Сердце забило чаще... Неужели? Я старался быть спокойным, как учил дед: «Рыба — она умней, чем кажется. Чувствует, если нервничаешь». Долго мы ловили красноперок и окуней. Я уже совсем отчаялся! Но вдруг поплавок дрогнул, потом резко ушел под воду. Дед пришел мне на помощь, и через минуту мы вытащили серебристую, сверкающую на солнце щуку! Она была размером с мою руку! Я визжал от безудержного восторга, а он от души смеялся и трепал меня по волосам: «Видишь? Терпение — и награда придет».

Так проходили наши безмятежные летние выходные дни: густой туман над водой, дымящийся чай из термоса, его захватывающие истории про молодость, про армию (про то, как он служил в Нагорном Карабахе). Он никогда не читал нотаций, а просто показывал, как быть сильным, как отвечать за свои слова, как держать удар.

Я, честно сказать, и забыл про тот металлический жетон... Но скоро все изменилось. Наши «рыболовные встречи» становились все реже. Если дед приезжал к нам, то был изможденным, уставшим, не похожим на того, прежнего деда. Однажды я услышал, как он тихо, почти шепотом говорит маме: «Не могу иначе. Кто-то должен. Отпуск закончился». Тогда я еще не понимал, о чем речь.

Позже он прислал мне письмо, где рассказал о разведке: «Ходили ночью, впятером. Задача — уточнить расположение сил противника у Новотроицка. Шли глухим лесом, обходили минные поля по карте. Впереди — сапер, за ним — я, остальные следом. Шел холодный дождь, видимость — ноль, только приборы ночного видения выручали. Заметили вражеский пост раньше, чем они нас. Залегли в ледяной грязи, ждали мучительно долгие три часа, пока сменится караул. Парни замерзли, но никто не шевельнулся — знали, что один звук — и все. Поставленную задачу мы выполнили. Потом отходили по темному руслу пересохшего ручья — так безопаснее. Вернулись без потерь — это главное. Такие выходы учат главному: в бою ты отвечаешь не только за себя, но и за тех, кто рядом».

Когда я прочитал это письмо, мне вдруг стало ясно, почему он так учил меня терпению на рыбалке. Почему говорил, что тишина — это сила. Почему всегда проверял, крепко ли я держу удочку — будто готовил меня к чему-то большему. Потом был день, когда он позвонил и сказал: «Скучаю по нашим веселым рыбалкам. Я вернусь. Жди меня». Он уехал опять командовать стрелковым отделением в Новотроицке.

23 марта 2025 года мама разбудила меня рано, как в те самые счастливые утренние походы. Но на кухне не пахло бутербродами и сыром. Мама задумчиво смотрела в окно, а по ее щекам текли слезы. Я все понял еще до того, как она обернулась.

Теперь я хожу на рыбалку один. Рыбачу на озере Ольховом в своем родном селе Красносамарское (без деда на Самарку не попасть!). Сажусь на берег, закидываю удочку и шепчу в тревожную тишину: «Дедушка, сегодня я сам. Я не дергаю резко... Я помню все, чему ты учил». И мне кажется, что где-то рядом я слышу его теплый тихий смех и слова: «Молодец, внук! Так держать!».

Он больше не придет. Но его уроки — о силе, о терпении, о верности — навсегда остались со мной. И пока я помню его добрый голос, его мозолистые руки, его улыбку, он жив. В каждом золотистом рассвете. В каждой пойманной рыбе. В моем благодарном сердце.

PS: В нашем селе Красносамарское есть музей, посвященный Специальной военной операции. Справа есть экспозиция, где можно увидеть личные вещи моего деда Саможикова Николая Николаевича. Я часто прихожу туда, смотрю на его армейскую фотографию, на медаль «За отвагу» и... зажимаю в ладошке тот самый металлический жетон с личным номером АВ910691, который так ярко блестел на солнышке в то далекое-далекое утро...

ВЫСТРЕЛ В СЕБЯ

Виссарионова Агата (17 лет)

Декабрь 2025 года подходит к концу. Скоро Новый год, а на душе у капитана ВСУ Миколы Викторовича Чубаря погано и вовсе не празднично. Как кадровый офицер он понимал, что они в котле, начальство как будто забыло о них. Вот уже две недели они не вылезают из блиндажей: российские дроны контролируют небо. Одно радует в этой ситуации, что не нужно показывать подчинённым, что ты веришь в победу. Кто поумнее, сами всё понимают, остальные тоже притихли. Боеприпасов нет, еды почти нет, вода кончилась давно, но, слава богу, выпал снег.

В Киеве у капитана Чубаря жена и двое детей. Им не должно быть стыдно за него: он воюет не за страх, а за убеждения. И в его личных вещах лежит пять жетонов российских солдат, уничтоженных им уже здесь, под Купянском. Он не помнит их лиц, потому что это просто враг, «русня».

Капитан, не вставая с нар, завернулся поплотнее в бушлат, хотел посмотреть, кто пришёл — от входа повеяло холодом. Но что-то удержало его, и он сквозь прикрытые ресницы стал наблюдать за вошедшим. Тот был примерно такого же возраста, что и капитан, но форма на нём была не украинская и не российская. Это была форма советского солдата. Микола стал вглядываться в лицо, и, когда узнал, его словно разбил паралич: он не мог шевельнуться. Перед ним стоял его дед Чубарь Иван Петрович. Он узнал его по фотографии, сделанной в Берлине в мае 1945 года.

Сам Микола помнил деда крепким, кряжистым стариком, с которым любил выходить из дома 9 Мая. Тогда он очень гордился дедом, на груди которого поблескивали два ордена и пять медалей. А потом... Потом всё изменилось, деда не стало, в День Победы всё реже можно было видеть ветеранов. И в душе Микола был рад, что дед не дожил до этого времени: трудно было бы всё объяснять. Да и понял бы дед?

Иван Петрович подвинул ящик из-под снарядов так, чтобы видно было лицо внука, и сел.

— Здорово, Колька.

— Здорово, дед, — Микола сел на кровати так, чтобы тоже хорошо видеть деда.

— Воюешь, значит, — не то спросил, не то подтвердил свои мысли Иван Петрович.

— Воюю.

— А с кем? — резко и в упор спросил дед.

Микола молчал. Если бы дед спросил, за что он воюет, он ответил бы уже заученной фразой: «За незалежність, за рідну Україну». А сказать деду, против кого он сражается, Микола почему-то не мог.

А дед словно всё понимал и без слов:

— Не спокойно нам там. Мне говорят, сходил бы посмотрел, что делается... Свои своих истребляют.

— Москали мне не свои, — на автомате выпалил внук.

— Да, трудно вам всем, — после долгого молчания сказал Иван Петрович. — Нам было легче. Со мной в разведроты были и русские, и украинцы, и грузины, и буряты. И все были свои. И враг у нас был один. Когда меня в 42-м ранило тяжело, так Серёга Петров из-под Куйбышева меня пять километров на себе тащил. Нас тогда от всей группы двое и осталось. И донёс, а мог бы и должен был бросить, потому главное было — выполнить приказ и доставить разведданные.

Дед ещё что-то говорил, но капитан Чубарь не слышал. В голове у него, как молотком, стучало: «Серёга Петров из-под Куйбышева». Среди трофеев капитана есть жетон Сергея Владимировича Петрова из Самары. Может быть, просто однофамильцы? Но на шевроне солдата была надпись: «Правнук солдата, сражавшегося с фашизмом».

Внук не смел поднять глаза на деда. Знает или нет? Если нет, то зачем рассказал про это? Живой был, не рассказывал, а сейчас рассказал. Микола был уверен, возьми сейчас он этот жетон, он бы прожёл ему ладонь.

— Бандеру, слышал, славите, — снова стали долетать до Миколы слова деда. — А вы знаете, что эти «лесные братья» над людьми творили. Я освобождал Закарпатье, видел. Тебе не рассказывал: нельзя ребёнку такие вещи знать. А после, видать, некому было рассказать. Да и после войны всё на немцев валили. А немцы-то чьими руками всё делали? Бандеровцы были на подхвате. Даже в газетах об этом не писали, чтобы не обидеть украинцев. А надо было бы называть, кто есть кто. Может, сейчас постыдились бы себя бандеровцами ибо нацистами прозывать.

— Это так, для многих просто пропаганда, — отмахнулся Микола.

— Пропаганда, — дед горько усмехнулся, — фашисты любили пропагандировать, чтобы люди сами в газовые камеры лезли и благодарили рейх за оказанную честь. Нет, Николай, просто так ничего, особенно на войне, не бывает. Бандеровская сволочь всегда останется сволочью, которая свою звериную сущность прикрывала словами о родине. И нацист есть нацист. А иначе можно договориться до того, что и эсэсовец не фашист, а борец за независимость и процветание Германии.

Иван Петрович встал и пошёл к выходу.

— Дед, что же мне делать? — как в детстве, спросил Микола вдогонку.

— Думать, как вам всем быть, кто ваши истинные враги. Есть такие моменты в жизни, когда человек сам должен принять решение.

Уже на пороге дед обернулся и, словно вспомнив, сказал:

— Поэт Геннадий Жуков написал про вас стихотворение «Мне позвонил мой дед, погибший на войне». Почитай при возможности.

Дед ушел, капитан Чубарь только сейчас огляделся по сторонам и понял, что никто в блиндаже, кроме него, деда не видел. Что это было? Сон?

Капитан резко встал и вышел из блиндажа. Пока не начало светать, он решил дойти до того места в укрепрайоне, где можно поймать интернет. Когда он добрался и начал дрожащими пальцами включать телефон, было уже светло. Но ни это сейчас занимало капитана Чубаря. Как за соломинку, он хватался за надежду, что не найдет никакого стихотворения. Нет, нашел:

*Мне позвонил мой дед, погибший на войне,
И попросил: «Скажи оставшимся в стране,
Которую я спас, что весь мой полк скорбит,
Что от славянских пуль славянский сын убит».*

Если есть стихотворение, значит был и разведчик Сергей Петров из-под Куйбышева, которому он обязан своим рождением. И у него мог быть правнук Сергей Владимирович Петров, который носил имя своего прадеда и которого убил капитан ВСУ Чубарь.

Микола отключил телефон, поднялся во весь рост и пошел. И как назло, ни одного дрона. Уж лучше бы конец, какой-никакой, а конец.

ДАР

Парян Эдуард (16 лет)

*Зиме вопреки
Вырастают из сердца
Бабочки крылья.
(Мацуо Басё)*

«Товарищи, вы отдаёте себе отчёт? Родное дитё в детдом тащить из-за того, что её нос какой-то не такой? Что посеешь, то и пожнёшь, вы понимаете? Опомнись хоть ты, мать! Ей же всего четыре года, как же так?..»

Голос всплыл в памяти самым первым воспоминанием: резким, чужим, но навсегда впаянным в сознание. Он был полон возмущения и осуждения. Кто это сказал? Соседка, соцработник, случайная прохожая? Адрианна не помнила. Но фраза врезалась в память намертво. Она почему-то запомнилась не смыслом даже (тогда она смысла и не понимала вовсе), а скорее интонацией. Тем, как чужая незнакомая тётка кричала на её мать, а та молчала, отводила глаза, а потом быстро-быстро ушла, таща её за собой за руку, и так и не оглянулась ни разу. В том

молчании было что-то страшное... Согласие. Приговор, вынесенный без единого слова.

Иногда Адрианне казалось, что именно тогда, в четыре года, она и научилась понимать людей не по словам, а по тишине между ними. Тишина не лжёт, в ней нельзя спрятать ни страха, ни равнодушия, ни той оглушающей пустоты, которая сквозила в материнском взгляде, когда та уходила, оставляя позади всё, что малышка знала об этой жизни. С тех пор она всегда прислушивалась к паузам в разговорах, и там, где другие слышали молчание, она угадывала правду. В детстве ей снилось, что мать всё-таки оборачивается. Во сне это происходило медленно, почти торжественно: сначала движение плеча, потом поворот головы, и вот уже их глаза встречаются... Но в самый последний момент, когда, казалось бы, вот-вот что-то изменится, сон обрывался. Она просыпалась с чувством, что её снова оставили, уже в неизвестно какой по счёту раз.

И вот сейчас женщина неторопливо шагала по улице, а эти слова снова звучали в голове, задавая тон всему дню. Город дышал утренней свежестью, откуда-то сигналила машина, из кофейни тянуло сдобой и корицей, где-то вдалеке лаяла собака, а прохожие торопились по своим делам, не замечая ничего вокруг. Адрианна ловила эти запахи и звуки, но они казались приглушёнными, словно доносились до неё сквозь толстое стекло. Ей всё чаще казалось, что у города своя жизнь, абсолютно никак не связанная с её собственной. Люди смеялись, спорили о чём-то по телефону, несли пакеты с покупками, кто-то целовал кого-то на прощание у перекрёстка — и всё это происходило как будто в другом измерении. Она же шла через эту суету, как сквозь декорации, не касаясь по-настоящему даже краешка ни одной из этих жизней.

И всё же в этом отчуждении было странное спокойствие. Будто, потеряв право быть частью общего движения, Адрианна приобрела возможность видеть его со стороны, ясно, без иллюзий. Она замечала детали, которые другие упускали из виду. Трещины в асфальте, заполненные прошлогодней пылью. Выцветшие рекламы на билбордах, где чужие лица уже начали стираться, превращаясь в неотличимые друг от друга пятна. Старика на остановке, который нерешительно держал в руках букет гвоздик, словно стремясь поскорее избавиться от них или, наоборот, не желая расставаться. Эти мелочи складывались в удивительную мозаику — жизнь, которую никто не замечает, пока та окончательно не исчезнет. Иногда ей хотелось остановить кого-нибудь из прохожих, взять за руку и тихо спросить: «Вы чувствуете это? Вы вообще осознаёте, что живёте?» Но она знала, что её не поймут и в лучшем случае примут за безвредную чудачку.

Адрианна смотрела на это всё так внимательно, так жадно, словно пытаясь собрать из разрозненных осколков воспоминаний цельное зеркало своей судьбы. Каждая вывеска, каждый следующий поворот шептали о чём-то, что когда-то было её жизнью. Или могло бы ею стать. И именно сегодня ей было особенно важно понять: можно ли вынести какой-то урок, оглядываясь на так быстро промелькнувшую жизнь? Может быть, как раз сейчас, спустя столько лет, она наконец сможет поставить точку в том старом, незаконченном разговоре с самой

собой? Ветер ласково трепал её седые волосы, и она чувствовала себя одновременно и той девочкой, что бегала по этим улицам босиком, и той женщиной, которая сумела выжить.

В этом двуедином мировосприятии было что-то вневременное, будто вся её жизнь, спрессованная чьей-то огромной рукой в один день, требовала от неё последнего, самого важного ответа.

Из-за угла наконец показался детдом. Внешне он почти не изменился: то же здание из жёлтого кирпича с облупившейся краской на оконных рамах, тот же двор, огороженный знакомой с детства кованой решёткой. Только площадка теперь новая и яркая — пластиковые горки всех цветов радуги, качели на толстых цепях, резиновое покрытие вместо утопанной земли. Да и детишки бегают в незнакомой красивой одежде, которой у них, прежних воспитанников, никогда не водилось.

Местная атмосфера, такое ощущение, что тоже изменилась. Раньше здесь пахло сыростью, даже затхлостью, мокрыми тряпками, дешёвым мылом и ещё чем-то, с трудом уловимым, но тяжёлым, как будто сама тоска имела свой запах. Теперь воздух был чище, а в нём едва угадывались нотки краски и пластика. Но странным образом это не делало данное место приятнее. Она вдруг поймала себя на мысли, что дело никогда не было в стенах или мебели. Суть заключалась в том, что происходило внутри этой бездушной кирпичной коробки. В том, как здесь учились выживать. В том, как тут старались не плакать, когда было больно. В том, как здешние обитатели искусно делали вид, что всё хорошо, когда внутри буквально всё разрывалось на части.

Адрианна бессильно остановилась у калитки, вцепившись в неё побелевшими пальцами, чувствуя, как металл впивается в ладонь. За стеклянной дверью вестибюля мелькнула женщина в халате — не иначе как новая заведующая. Та подошла к двери, поправила причёску, глядя в тонированное стекло, и на мгновение их взгляды встретились. Женщина равнодушно пробежала глазами по незнакомой фигуре за забором и отвернулась, что-то пометая в планшете, даже не на секунду не задержав внимания на ней. Адрианна хотела войти, но почти тотчас же раздумала. И действительно, зачем? Те, кто её помнил, уже наверняка тут не работают. А может, их и в живых уже давно нет.

Её взгляд скользнул по окнам второго этажа. Когда-то, в прежней жизни, за одним из них стояла её кровать, железная, с продавленным матрасом, который скрипел при каждом, самом лёгком движении. Она прекрасно помнила, как лежала там ночами, уткнувшись лицом в подушку, чтобы никто не слышал, как она плачет. В детдоме быстро учишься плакать тихо. Явное выражение эмоций — это слабость, а слабость там не прощается. Но были ведь и другие ночи. Когда она часами вглядывалась в непроглядную тьму снаружи, а внутри была такая зияющая пустота, что даже слёзы казались лишними. И, кажется, именно в такие ночи рождалось на свет то необычное упрямство, которое, возможно, потом и спасло ей жизнь.

И тут, прервав её размышления, будто бы из ниоткуда, во дворик детского дома впорхнули девочки. Они появились внезапно, словно стайка разноцветных

птиц, выпущенных на волю из клетки. Их было четверо, может пятеро, лет по семь-восемь, не больше. В руках у каждой — обрывки лент. И не настоящих гимнастических, а каких-то самодельных: куски старой органзы, лоскуты от занавесок, полоски цветной бумаги, приклеенные к палочкам. Всё это трепетало на ветру, путалось, развевалось, но девочки не обращали на это ни малейшего внимания. Они кружили по всё той же площадке перед главным зданием, босые, в застиранных платицах, и пели, казалось, ту самую, старую, забытую всеми, кроме этих стен, мелодию, которую когда-то давно напевала и она сама. В этом хаотичном танце, в этих неуклюжих движениях, в том, как они натыкались друг на друга и тут же, смеясь, начинали заново, было что-то до боли знакомое. Что-то сдавившее её горло почти до удушья и никак не желавшее отпустить.

Одна из девочек вдруг расхохоталась так беззаботно и звонко, что этот звук алмазной пилой разрезал воздух. И в ребячьем смехе совершенно не было ни страха, ни ожидания удара, ни привычной настороженности — всех этих неперенных спутников её детства. Это был возглас счастливого человека, который ещё не знает, что мир может быть жестоким. Она стояла и напряжённо пыталась вспомнить: бывал ли у неё когда-нибудь, хотя бы раз в жизни, такой вот смех. Не осторожно опасливый, не с оглядкой, не приглушённый, а вот такой — открытый всему миру и беззащитный. Но все её старания были напрасными. Да, возможно, он всё-таки был. Давным-давно, на заре её существования, ещё до того дня, который лежал на дне колодца памяти первым воспоминанием. Но если такой день когда-нибудь и был, то он не оставил ни малейшего следа. Слишком многое пришлось пережить после, чтобы позволить даже мельчайшему отголоску этого звука сохраниться.

Адрианна на мгновение ощутила, что страшно, до исступления завидует им. Не их сияющему детству, безграничным возможностям или лёгкости бытия, а этому святому незнанию. Этой короткой и хрупкой, как крылья бабочки, передышке перед взрослой жизнью. Девочки кружились всё быстрее и быстрее. Вдруг самая маленькая из них обо что-то споткнулась, упала, но не заплакала, а тут же вскочила, отряхнула ладошки и снова вплелась в общий танец, будто падения вовсе не существовало. А дальше — как неизбежное завершение всего подсмотренного ею до этого — одна из старших девчушек, с рыжими, выгоревшими на солнце волосами, внезапно выбежала в центр импровизированного круга, замерла на секунду, закрыв глаза, а потом сделала поворот: неловкий, сбивчивый, но такой отчаянно искренний, что сердце Адрианны, казалось, пропустило несколько ударов...

Лучи солнца всё так же безмятежно освещали детей, подчёркивая каждую веснушку, каждую царапинку, каждую нитку, торчащую из подола. Малыши пели в голос, не стесняясь, не пытаясь попадать в ноты, просто радуясь тому, что есть здесь и сейчас. Женщина любовалась этой умиротворяющей картиной до тех пор, пока у неё не закололо в груди, но она безжалостно подавила это чувство, привычным движением расправив плечи. И сразу же напомнил о себе второй осколок разбитого зеркала души, а перед глазами пронеслась будто сцена из немого фильма с ней, Адрианной, в главной роли. Студёный зимний воздух, обжигающий лёгкие, скрип свежего снега под ногами и разноголосый крик, от которого до сих

пор хотелось сжаться в комочек и остаться в таком положении навсегда: «Ха-ха-ха, гляньте-ка, наша чумазая опять Корбут из себя корчит!».

А она летела в пропасть и никак не могла понять, почему люди бывают такими грубыми и жестокими, и почему её просто не могут оставить в покое, позволив унести в другой мир и наслаждаться своим маленьким неказистым счастьем. Уже позже, на протяжении многих и многих лет, женщина периодически встречала людей, у которых, казалось, было абсолютно всё, но которые не умели радоваться ничему. А у неё, наоборот, тогда не было почти ничего, но этого крохотного «почти» было достаточно, чтобы мир не казался окончательно пустым и совершенно безнадёжным.

Сквозь пробоину в душе хлынул поток воспоминаний, и теперь его было никак не остановить. Да Адрианна и не пыталась этого сделать. Она вспоминала, как в этом дворе по весне расчищали асфальтированную площадку для игр, сгребая в огромные сизые кучи прошлогодние листья и мусор. Как она, жалкий забитый воробушек пяти лет отроду, нашла в себе смелость и всё-таки выпросила у завхоза, сутулой старухи с вечно недовольным лицом, донельзя поношенный, в край затёртый обруч — чью-то ненужную вещь, которую, однако, не выбросили на помойку, а пожертвовали заведению. Обруч был ужасно поцарапан, в нескольких местах перемотан синей изолентой, но для неё он казался сказочным сокровищем, невесть откуда взявшимся в их богом забытой дыре. Он пах чужой жизнью, незнакомым домом, таинственным счастьем, будто бы терпким ароматом чьего-то забитого под завязку балкона (по крайней мере ей тогда так представлялось) и ещё чем-то неуловимо далёким, едва ощутимым, похожим на духи или дорогой шампунь.

Но лишь только девочка робко брала его в свои ручонки, лишь только дрожащие пальцы смыкались на шершавом пластике, как все запахи мира отходили на второй план, а то и вовсе исчезали.

В такие моменты в голове Адрианны сама собой начинала играть красивая мелодия, которая просила (нет, требовала!) двигаться без остановки, стараться попадать в такт чудесным аккордам, отдавать всю себя стихии вращения и преодолевать земное притяжение, улетаю куда-то высоко-высоко, под самые звёзды. Она в упоении кружилась до тех пор, пока ноги не начинали слабеть и подкашиваться, а потом без сил падала на колючий асфальт или даже, бывало, прямо в грязь, но, сжав зубы, вся в ссадинах и царапинах, снова и снова вставала. В падении ведь, в сущности, не было ничего ужасного — гораздо страшнее было остановиться и вернуться в реальность, где она была просто одной из многих, безликой, ненужной, лишней. И только в этом нескончаемом вихре движения она, пусть и на краткое мгновение, становилась кем-то другим. Тем, кем однажды можно будет гордиться... или даже любить.

Иногда она разговаривала с этим обручем. Не вслух конечно — зачем давать лишний повод для насмешек, — а шёпотом и про себя. Спрашивала, получится ли сегодня лучше. Просила не падать. Благодарила, когда тот слушался. Как ни странно, девочка воспринимала их отношения почти как дружбу: наивную, совсем ещё детскую, но самую что ни на есть настоящую. Потому что только он никогда не

предавал её, не смеялся над ней и не отворачивался. Этот обруч и бесконечные тренировки на площадке день за днём, пока другие дети играли в классики или догонялки, оставались тогда единственным, что у неё было. Они спасали от одиночества, позволяли забыться в движении, падать и снова вскакивать, чувствуя себя не брошенной девчонкой с чужой фамилией в личном деле, а кем-то прекрасным и великим.

Тогда и родилась мечта. Адрианна не умела ещё выразить её словами, просто знала, что, когда кружишься, мир перестаёт быть враждебным. Он наполняется музыкой и ритмом, становится чистым листом, на котором можно написать себя заново. И в те мгновения, когда обруч послушно вращался вокруг её талии, она ощущала себя настоящей художницей, создающей красоту из ничего. Из пустоты запущенного двора, из серости будней девочка вытягивала, словно нить из разматываемой паутины, нечто светлое, принадлежавшее только ей. Эти минуты были единственным временем, когда она чувствовала себя не сиротой без роду и племени, а чуть ли не творцом.

Но у таланта, даже такого едва пробивающегося, робкого, всегда находятся завистники. Она усвоила это раньше, чем таблицу умножения. Усвоила той глубокой, подкожной памятью, которая остаётся с человеком навсегда, как знание того, что огонь обжигает. Ведь, к сожалению, если ты сияешь ярче других, кто-то обязательно захочет погасить этот свет. Не потому, что тот человек злой, а потому, что его собственная тьма становится от твоего сияния безусловной и невыносимой. Здесь это правило работало безотказно: стоило девочке хоть немного выделиться, как находились те, кто норовил поставить её на место.

Усилием воли она отогнала воспоминание и пошла дальше, чувствуя, как ноги (безмерно сложные, умные ноги) несут её по знакомым улицам. За поворотом, совсем рядом, возвышался Дворец спорта — огромное современное здание, которое казалось в её детстве волшебным замком из сказки. Лучи полуденного солнца весело играли на стеклянном фасаде, преломляясь во все стороны и отражаясь сотнями, даже тысячами зайчиков. Адрианна остановилась у входа, с любопытством заглядывая внутрь через громадные окна первого этажа. Да, всё верно, именно сюда её однажды и привела единственная равнодушная воспитательница, которая смогла разглядеть и оценить её неоспоримый талант, который, однако, ещё был скрыт как прекрасный бриллиант в бесформенном камне, требуя терпения и филигранной работы для мастерской огранки.

Сейчас, в фойе Дворца, на стене висел плазменный экран телевизора, вделанный в панель из светлого дерева. По спортивному каналу как раз транслировали чемпионат мира по художественной гимнастике — соревнования из далёкой, прекрасной Испании, о которой она когда-то так мечтала.

Бесшумно, словно видение, по ковру скользила девушка в ярком купальнике, обильно расшитом роскошными кристаллами, сверкавшими под софитами. Лента вилась за ней огненной спиралью, подчиняясь каждому движению кисти, описывая в воздухе такие сложные траектории, что следить за ними можно было бесконечно. Адрианна замерла, не в силах оторвать взгляд. Музыки, конечно,

не было слышно, только низкое гудение смутно различимой вибрации, но это не имело никакого значения — мелодия опять, как в прежние времена, звучала у неё в голове. Женщина различала каждую ноту и каждую паузу, любые, самые крошечные, вдох и выдох гимнастки. Она видела, как та делает сложный поворот, идеально вытянутые носки её изящных юных ног, напряжённые пальцы, ощущала это всё почти на физическом уровне, до хруста, до боли...

Всё это было ей так привычно и прекрасно знакомо, что в пальцах рук пробудилась старая, профессиональная память мышц, чего с ней уже давно не случалось. Она невольно пошевелила ими, с усмешкой вспомнив въедливую канифоль, которая вечно оставалась под ногтями и которую невозможно было отмыть до конца. Сердце забило часто-часто, до краёв наполнившись таким восторгом, какой она могла испытать только окунувшись с головой в этот вид спорта, всегда ассоциирующийся у неё с музыкой и победами. Адрианна могла бы стоять так вечно, глядя на завораживающее мелькание ленты, но телевизор предательски мигнул, пошла набившая оскомину реклама и чары, увы, рассеялись. Она невольно перевела взгляд на тротуар и тут же вздрогнула от неожиданности.

Навстречу, шаркая стоптанными туфлями, шла женщина. Поношенное пальто мышиного цвета, давно потерявшее форму, тусклые глаза, в которых не осталось ни надежды, ни злобы, а только усталость, протянутая грязная рука. Лицо её, изрытое морщинами, вдруг показалось смутно знакомым. Адрианна вгляделась. Нет! Не может быть! Просто показалось. Но что-то в разрезе глаз, в линии губ, в том, как она держала голову чуть набок, будто с вызовом, невольно заставило кровь застыть в жилах. Адрианна с трудом заставила себя глядеть спокойно, ничем не выдавая волнение внутри, но рука сама собой сжалась в кулак да так, что ногти впились в ладонь, оставляя красные полумесяцы следов на ней. Она шла так медленно, эта старуха, словно время для неё давным-давно остановилось. Каждый шаг давался ей с трудом, при ходьбе она чуть подволакивала левую ногу. Женщина неминуемо приближалась, и с каждым её шагом пульс Адрианны учащался, пока не начал отдаваться в висках глухим стуком.

Расстояние между ними неотвратимо сокращалось. Десять метров. Восемь. Уже пять. Адрианна, словно через какую-то линзу, появившуюся невесть откуда, видела теперь каждую складку на её лице — глубокие борозды, прорытые горем, алкоголем или просто жизнью, которая не спрашивает позволения, когда решает уничтожить человека, а просто делает свою работу. Наблюдала, как сильно трясутся её пальцы, мёртвой хваткой сжимающие грязный полиэтиленовый пакет. Видела, как та беспомощно щурится на солнце и знала, что так ведут себя люди, привыкшие к полумраку подвалов и ночлежек.

Три метра. Женщина, будто бы услышав отголоски её мыслей, вдруг подняла голову, и их взгляды на короткое мгновение встретились.

В этот момент Адрианна внезапно осознала, что смотрит отнюдь не в глаза. Она смотрит в разверстую бездну. А бездна в ответ смотрит на неё нечеловеческим, немигающим взглядом. Нищенка остановилась как вкопанная. Её губы дрогнули, собираясь произнести привычное: «Подайте, ради бога», но слова, такое

ощущение, будто бы застряли в горле и никак не могли выбраться наружу. На секунду, всего на одну секундочку, её мутные глаза прояснились и в них мелькнуло что-то такое живое и присущее людскому роду. Припоминание? Или просто отблеск солнца, именно сейчас упавший на роговицу? Адрианна не знала. Но этого мгновения хватило, чтобы время растянулось до невозможности и затем остановилось.

Весь этот долгий, затянувшийся до бесконечности миг она пристально смотрела на эту женщину, разглядывала её нечёсанные волосы, грязный воротник пальто, руки, которые когда-то, возможно, держали букет или поправляли ленту. Теперь эти руки в очередной раз тянулись за подаванием. Сейчас эти глаза не видели ничего, кроме дна стакана и очередного серого утра. Женщина, наконец, разлепила спёкшиеся обветренные губы.

«Подайте, Христа ради», — прошептала она, и голос её был сухим и лишённым малейших признаков чего-то живого, прямо как прошлогодняя листва.

«Христа ради, не делайте этого! Пожалуйста!» — этот крик всплыл с самого дна третьим (и самым тяжёлым) осколком. Тот день она помнила ярче, чем любой другой, несмотря на то, что уже столько лет пыталась стереть всё напрочь из памяти. Ярче, чем первую спортивную победу, когда ей вручили грамоту, и она гордо возвышалась на пьедестале, чувствуя, как непрошенные слёзы застилают глаза. Человеческая память странным образом скроена: она бесследно вычищает счастливые будни, но выжигает калёным железом мгновения, когда мир рушится.

Оживлённый гул разгорячённых подростков, окруживших её тогда в коридоре Дворца спорта возле раздевалок, где пахло хлоркой и старым линолеумом. Они были старше, их было много, но сколько точно Адрианна не помнила, да у неё и не было времени сосчитать. Зато в памяти прекрасно сохранились их лица, перекошенные от зависти, злые, с блестящими от возбуждения глазами. Вспоминалось даже, как пахло от них — дешёвыми сигаретами, которые они тайком курили за гаражами, и приторными духами «Быть может», продававшимися тогда в каждом ларьке. В минуты бессонницы ей чудилось иногда, будто она слышит, как скрипел пол под их тяжёлыми ботинками, как эхо разносило насмешливые голоса по пустому зданию. Порой ей казалось, что в мозг впечатался и рисунок линолеума, серый, в мелкую крапинку, на который она тупо смотрела, когда...

«Чудо с косичками к нам пожаловало!» — пропела одна из них: та, что стояла ближе всех, и её голос прямо-таки сочился притворной добротой. «Берите её ленты и обручи, сдадим в подсобку», — бесстрастно бросила главная, находившаяся в самом центре и равнодушно сложившая руки на груди, даже не глядя в сторону Адрианны. В её голосе не было ни злобы, ни ожесточения, одна лишь мертвенная скука. Именно эта скука и пугала больше всего: для них это было не преступление, а лишь один из способов убить время, хоть какое-то развлечение.

Всё случилось до ужаса быстро, но для дрожащей от страха девушки растянулось в бесконечность. Так бывает в ночных кошмарах, когда секунда длится

целую вечность. Кто-то больно ухватил её за волосы, рывком откинув голову назад так, что хрустнули шейные позвонки. Ленты выпали из рук и, словно живые, поползли по полу, разматываясь яркими фантастическими змеями. Обруч с глухим металлическим звоном покатился в сторону, ударившись о стену, и этот пустой и окончательный звук Адрианна, к несчастью, запомнила на всю жизнь. Её повалили лицом вниз. Холодный пол обжёг щёку, а чей-то тяжёлый ботинок упёрся в её правую руку. Она попыталась было вывернуться, но кто-то уже восседал на её спине, коленом вдавливая хрупкое тело в линолеум, — Боль, Обида и дикий, животный Страх, от которого подкашиваются колени и немеют пальцы. Всё это снова всколыхнулось в груди, словно случилось вот только сейчас, а не десятки лет назад. Она попыталась поднять голову, взглянуть в их лица, увидеть выражение их глаз, но чья-то отвратительно потная ладонь вдавила её обратно в пол. Ей пришлось довольствоваться разглядыванием их ног — массивные ботинки, стоптанные каблук, шнурки, развязавшиеся у одной из них. И искусственный свет, льющийся сверху, который чётко вырезал их силуэты, превращая в чёрные безликие монументы, бездушные автоматы, выполняющие заложенную в них садистскую программу. Именно в тот момент Адрианна поняла, что кричать бесполезно. Это только в фильмах и книгах кто-то в этот момент обязательно приходит на помощь. Но здесь и сейчас, это реальность, и они могут сделать с ней всё, что захотят, и никто на целом свете не остановит их.

Ужасающий хруст... Это был не просто звук ломающихся костей. Это был тот последний вздох, с которым умирает мечта. Первый удар пришёлся на левую ступню. Девушка попыталась вскрикнуть, но воздуха в лёгких почти не оставалось, и клочкотание, вышедшее из её рта, получилось хриплым, беззвучным, похожим на свист проколотой шины. А потом они начали слаженно работать, бить уверенно и методично, словно выполняя упражнение, в котором нужно было всем вместе попасть в единую цель. Она, однако, к несчастью, ощущала каждый удар по отдельности. Не как слитный шум, а как ноты разной высоты и длительности, складывающиеся в страшную непрекращающуюся мелодию. Конечно, эта экзекуция не могла быть непрерывной — между пинками случались и паузы, когда они пересмеивались, переводили дыхание, выбирали, куда бить дальше. В ней даже успевала затеплиться надежда: «Сейчас всё это наконец закончится»... Но удар следовал снова. И снова. Стоило Адрианне открыть рот, чтобы попытаться закричать, как стон застревал где-то глубоко в горле, потому что для того, чтобы получился хоть какой-нибудь звук, нужно дышать, а дышать было нечем — жуткая боль поглощала весь воздух.

Кто-то догадался бить не всей подошвой, а ребром ботинка: так точнее и ощутимее. Её мучители знали своё чёрное дело. Удары сыпались по пальцам, по подъёму, по плюсне, по щиколоткам — в общем, туда, где кости ближе всего к поверхности, где кожа тоньше, а боль острее. Она чувствовала, как что-то внутри её ног меняется, не просто ломается, а перестаёт быть единым целым, рассыпается на части, которые трутся друг о друга при каждом движении, заставляя страдать. Даже когда они перестали бить (ей казалось, что это произошло лет через сто), ноги продолжали вибрировать и «кричать» ровным, непрерывным звуком.

Но ещё до этого в какой-то момент боль перестала быть режущей и пульсирующей. Она стала фоновой, заполнившей собой всё свободное пространство подобно тому, как вода неотвратно затапливает тонущий корабль. Адрианна попыталась отползти, скребя ногтями по скользкому полу, оставляя на нём кровавые полосы. Она успела продвинуться всего на несколько сантиметров, когда услышала неестественный смех той самой, с обманчиво добрым голосом, и тут же ребристая, жёсткая подошва обуви опустилась на пальцы правой ноги. Девушка услышала, как они лопаются один за другим, как сухие ветки, как спички, которые переламывают просто так, для удовольствия, чтобы услышать хруст.

Она всё-таки сумела приподнять голову — на этот раз никто не мешал — и сквозь пелену слёз, застилавших глаза, увидела их лица. Они смотрели на неё не с ненавистью, а с любопытством. С тем самым брезгливым любопытством, с которым дети разглядывают жука, у которого оторвали крылья, а он всё ещё настырно шевелит лапками. Главная наклонилась к ней, приблизив своё лицо так близко, что Адрианна почувствовала запах её мятной жвачки, сладкий и тошнотворный.

«Вот и всё, милая, — сказала она тихо, почти ласково. — натанцевалась».

И вот только тогда девушка наконец-то закричала. Это был вопль, в котором смешались боль, страх, ярость и отчаяние. Его, должно быть, издавало всё её истстрадавшееся тело. Казалось, этот звук, в котором уже не осталось ничего человеческого, должен был бы разнести вдребезги стены этого проклятого коридора. Но стены не рухнули.

А те, кто её мучил, просто стояли и смотрели, как она надрывается, и на их лицах не было ни тени раскаяния.

«Девочки, с ней покончено, пойдёте». Они ушли, оставив её корчиться в луже собственной крови, среди разбросанных лент и обручей, которые были ими же сломаны для верности. Адрианна слушала, как удаляются их шаги: сначала громкие, затем тише, а потом их окончательно заглушил шум в ушах. Ну а дальше наступила тишина. И в этом вселенском молчании на самом краю сознания вдруг промелькнула ужасная в своей кристальной ясности мысль: она не чувствует своих ног. Вообще. Совсем. Будто их отрезали. Будто их никогда и не было. Только где-то далеко, словно под многокилометровой толщей воды, как раненый зверь, затаилась боль. Её боль.

Они вонзили нож в её сердце, растоптали душу, в которой только-только начала пробиваться жизнь. В ушах навсегда застыл цокот удаляющихся шагов и их смех, который затем снился ей годами. И сквозь этот хохот неизменно звучало то самое прозвище «Чудо с косичками», которое когда-то казалось ей почти милым, а теперь навсегда стало символом того, как красоту обращают в насмешки и страдания. Она медленно прикрыла отяжелевшие веки... А потом было лишь мутное

забвение, в которое едва-едва вклинивался чей-то далёкий незнакомый голос: «Кто родители? Из детдома? Быстрее звоните в скорую! И вызывайте опеку».

Адрианна застыла прямо посреди тротуара, не замечая струящихся по щекам слёз: горячих, солёных, обжигающих морщины. Прохожие оборачивались, некоторые крутили пальцем у виска, но ей было всё равно. Она почувствовала, как опять заныли серебристые протезы, напоминая, что когда-то на их месте были настоящие живые ноги. Фантомная боль, которая никогда не проходит до конца и живёт в ней дольше, чем любая память. «Умная боль, — с нежностью подумала она вдруг, делая глубокий вдох, — напоминает, что я жива. Что я всё это пережила».

Женщина, вдруг спохватившись, перевела взгляд на нищенку. Та смотрела на неё слезящимися глазами, но, кажется, до сих пор так и не вспомнила. Скорее всего, для неё тот день был просто одним из многих других, когда они «наказали выскочку», когда развлечение потребовало крови. Ну ладно, в тот раз они зашли, пожалуй, слишком далеко, но всё равно это не было таким уж значительным поводом, чтобы сохранить лицо жертвы в памяти. Те девушки, наверное, даже не считали себя злыми. В этом, возможно, и заключается самая страшная правда о жестокости: она редко бывает осознанной. Чаще всего это просто скука, помноженная на безнаказанность.

Достав из кармана мелкую, завалившуюся там с незапамятных времён монету, Адрианна опустила её в протянутую ладонь. Это было такое себе подаяние: всего лишь пятак, безжизненный кружок металла. Женщина кивнула, что-то невнятно пробормотала и пошла дальше, тяжело шаркая ногами, а Адрианна почувствовала странное, щемящее облегчение, словно с плеч наконец сняли тяжёлый груз, который она несла всю жизнь. Нет, она не простила. Она просто отпустила.

Стоит ли объяснять, что после той кровавой расправы, разделившей её жизнь на до и после, была долгая упорная борьба. Врач в городской больнице, молодой ещё, с добрыми, но донельзя уставшими глазами, глядел на неё с плохо скрываемым сочувствием, внутри которого таилось неверие в успех. Девушке особенно запомнилось, как он тогда избегал смотреть прямо на неё и что-то там успокаивающе говорил и говорил. Люди часто думают, что боль причиняют слова. Но иногда сильнее ранит именно то, что человек не способен произнести до конца. Вот и доктор так же повторял тогда, тщательно подбирая слова, которые не могли смягчить правду: «Знаешь, милая... Ступни раздроблены так, что не собрать. Это чудо, что ты вообще выжила. Мы, конечно, сделаем всё возможное, но ноги полностью не спасти, а уж о гимнастике... ну ты сама понимаешь, не маленькая уже. Ты навсегда...» Он закашлялся, прервавшись на полуслове, и не договорил, но это не имело уже никакого значения. Ей только что вынесли приговор. Отныне она инвалид. Слово, которое клеймом ложится на всю оставшуюся жизнь. Адрианна с

тоской смотрела на его красивые ухоженные руки и вдруг отчётливо поняла, что он говорит не с ней, а с её будущим. С тем будущим, которое теперь невозможно. Её прежняя, полная спорта, музыки и красоты жизнь закончилась, покинула её капля за каплей с кровью и слезами на том злосчастном ледяном полу.

Из череды однообразных минут, напрочь лишённых смысла, яркой вспышкой сверкнула та ночь в больничной палате, когда она без сна лежала с закрытыми глазами, слушая ровные звуки капельницы, и вдруг будто бы ни с того ни с сего решила: или сейчас, или никогда. Она с трудом села на кровати, попробовала опустить то, что осталось от её ног на пол — и тут же закричала от боли, молнией пронзившей всё тело насквозь. Почти потеряла сознание, но не упала. Просидела так какое-то время, обливаясь липким потом, судорожно вцепившись в край койки, а потом кое-как легла обратно и улыбнулась куда-то в темноту впервые за всё это время. «Я смогу. — прошептала она как можно тише, чтобы не услышала соседка по палате. — Я всё равно смогу». В тот момент Адрианна солгала. Но ложь была того сорта, что со временем перерастает в правду.

Сколько же с тех пор прошло дней, когда она кляла и ненавидела своё тело. Когда казалось, что оно проявило слабость, не выдержало, сломалось — в общем предало её. В такие минуты девушка тщетно пыталась найти ответ на вопрос, ради чего она всё это пережила, и чувствовала не благодарность, а злость. На себя, на мир, на всех в нём. Но, к счастью, случалось, что наступали и другие дни. Она вдруг замечала, что может сделать на одно крохотное движение больше. И повторяла его снова и снова, пока боль не становилась невыносимой. Но после этого внутри появлялось что-то новое: не радость, а тихая, упрямая решимость. Нельзя останавливаться, надо продолжать.

Однако жить тоже на что-то было нужно. Будучи прикованной к инвалидной коляске, она хваталась за любую подработку: шила на заказ, переводила тексты, помогала писать курсовые нерадивым студентам. Малую часть заработанного тратила на себя, а остальное упорно откладывала на свою мечту, пусть и не знала, сможет ли когда-нибудь осуществить её. В редкие часы, свободные от житейской суеты, она на перекладных через весь город добиралась ко Дворцу спорта, иногда просто чтобы издали посмотреть на зал, где занимались другие. Слышать музыку, льющуюся из приоткрытых окон. Видеть ленты и обручи, мелькающие в воздухе.

Иногда Адрианне всё-таки удавалось всеми правдами и неправдами пробраться внутрь. Тогда она садилась в коридоре прямо на пол, прикрывала глаза и представляла, что это она сейчас выходит на ковёр, что это её ноги совершают немыслимые прекрасные прыжки, что это ей восторженные зрители кричат: «Браво!» и бросают цветы. И пускай в те мгновения она воображала себя героиней не своей нынешней жизни, а той, которую у неё раз и навсегда отняли, но это было лучше, чем не жить вовсе. Порой ей казалось, что она учится даже не двигаться, а

заново существовать. Переписывать себя с нуля, как испорченную страницу. Без гарантии, что получится лучше... и получится ли вообще хоть что-нибудь. Но с непонятно откуда взявшейся уверенностью, что иначе нельзя.

Однажды случилось то, что перевернуло всё. Сначала были срывы и неудержимые рыдания от бессилия, от жалости к себе, от злости на весь мир. Затем неверие, когда специалист по адаптивному спорту задумчиво сказал, что она подаёт надежды. И вот, наконец, первые реальные тренировки, после которых ныла каждая клеточка её тела. Адрианна училась делать выпады, сидя в специальной коляске, чувствуя себя неуклюжей и беспомощной. Она роняла ленту, путалась в обруче, срывала пальцы в кровь о булавы. Пыталась изобретать новые связки и приёмы, хотя прекрасно понимала, что художественная гимнастика целиком и полностью построена на стремительных порывах и движениях, на которые сейчас она, увы, не была способна.

Старалась побеждать не ногами, а той самой душой, которую так и не смогли растоптать. А потом настало время, когда медицина стремительно шагнула вперёд, когда появились новые материалы и методики...

И вся эта пытка началась по второму кругу. Девушка училась заново передвигаться на протезах, которые быстро натирали до кровавых мозолей, оставляя на культих незаживающие раны. Сложнее всего было поддерживать равновесие, причём не столько в физическом плане, сколько в душевном: регулировать в самой себе баланс мыслей, эмоций, мироощущения. Стоило чуть сместиться, слишком резко перенести центр тяжести, и она снова падала: как снаружи, так и внутри. Но с каждым днём у неё получалось выстоять чуть-чуть, на самую малость дольше. И это «чуть» со временем стало основой всего.

Адрианна очнулась от воспоминаний на скамейке всего в нескольких метрах от того места, где несколько часов назад (а может, прошёл уже не один день?) встретила призрака из прошлого, и невольно залюбовалась солнцем, опускавшимся за крыши домов. Когда последние лучи светила скрылись из виду, она посмотрела на асфальт под ногами, где была большая лужа, образовавшаяся после недавно прошедшего дождя. И встретила взглядом с собственным отражением. Женщина, которая смотрела на неё оттуда, была совсем не той девочкой, чьи тело и душу растоптали ради сиюминутной забавы много лет назад. Она была кем-то другим, но в то же время не утратила связи с тем далёким наивным ребёнком, видевшем прекрасное во всём вокруг. В этом осознании не было пафоса, фанфар и бравурного марша. Была тишина. То самое молчание, которое она научилась слышать и понимать ещё в четыре года. И в этой тишине наконец прозвучал ответ на вопрос, который она задавала себе всю жизнь: о том, зачем её спасли. А всё было очень просто: чтобы она смогла стать той, кем ей всегда суждено было стать.

Адрианна резким движением вскочила со скамейки. Да так стремительно, что мужчина, проходивший мимо, вздрогнул от неожиданности и обернулся. Но она этого уже не видела, потому что стремглав неслась домой — так быстро, насколько позволяли её протезы. В свою маленькую уютную квартирку, где на стенах ровными рядами были развешаны старые фотографии. Ноги гудели от напряжения, но женщина не останавливалась. Она почти бежала, чувствуя, как ветер бьёт прямо в лицо, как городские огни смазываются в нечёткие полосы, как где-то внутри, в самом центре груди, раскручивается что-то огромное, все эти годы требовавшее выхода.

Оказавшись дома, она с порога зашвырнула ключи на тумбочку, схватила первый попавшийся клочок (им оказался оборванный край тетрадного листа), дрожащими пальцами нашарила ручку, которая никак не хотела слушаться, и наконец перенесла на бумагу те несколько фраз, что выкристаллизовались из её боли, из бессонных ночей, из всех падений и подъёмов. Адрианна раз за разом перечитывала написанное — и вот по щеке тихо скатилась слеза, но уже не горькая, а светлая. А она с облегчением выдохнула, словно выпустив из себя всё, что накапливалось годами внутри, и, кажется, поняла тот самый главный урок. Всем своим существом, каждой клеточкой израненного, но не сломленного тела. Того тела, которое отказывалось сдаваться, когда не выдерживали все вокруг. И знаете, в этих словах было больше правды, чем во всех книгах, которые она успела прочитать за свою жизнь:

«Ни раны, ни боль не имеют никакой власти над истинным даром. Неважно, кто ты, неважно, сколько тебе пришлось страдать, даже в глубочайшем одиночестве человек способен взрастить себя до небес. Однако тот, кто сеет зло, однажды будет стоять под сенью того, что выросло».

Комната казалась другой. Той же самой и одновременно нет. Как будто вместе с осознанием этой простой, но всё расставляющей на свои места истины, изменилось не пространство, а её отношение к нему. Будто бы те же стены, фотографии, тот же привычный стол. Но сейчас это выглядело не как напоминание о прошлом, а как доказательство пройденного пути. Адрианна медленно провела рукой по краю стола, словно проверяя, действительно ли всё это реально.

И впервые за долгое время почувствовала не тяжесть прожитых лет, а их ценность, значимость — то, что обогатило её, и то, что невозможно отнять. Теперь она была готова и знала, что совсем не зря отправилась в это долгое путешествие по городу и в то же время по волнам своей памяти. В этот момент во входную дверь постучали.

— Открыто! — крикнула она, вытирая щёки тыльной стороной ладони, всё ещё находясь во власти только что испытанного озарения, которое сделало этот день самым важным в её жизни.

В гостиную вошла молодая девушка с микрофоном, в аккуратном синем пиджаке, следом за ней оператор с камерой на плече. Он сразу начал осматриваться, привычно выбирая наилучший ракурс.

— Здравствуйте! Мы на связи со студией, — бойко отрапортовала девушка, но, увидев лёгкую растерянность на лице Адрианны и слёзы на её щеках, мягко улыбнулась и опустила микрофон. — Извините, мы немного раньше.

Женщина кивнула, приходя в себя, поправила воротник домашней кофты и убрала со лба седую прядь.

— Адрианна, добрый вечер! — Голос журналистки теперь звучал тепло и искренне, без казённости и дежурных фраз. — Мы, как вам известно, готовим репортаж о легендах спорта. О тех, кто прославил нашу страну на международной арене и прошёл через невероятные испытания. Честно говоря, я ваша давняя поклонница. Ваша история... она невероятно вдохновляет.

Девушка протянула блокнот и ручку, и в её глазах горело самое настоящее, искреннее восхищение, которое невозможно сыграть или подделать.

— Не могли бы вы дать мне автограф? Просто для себя. А потом уже начнём интервью, если позволите.

Адрианна посмотрела на чистый лист блокнота. Потом перевела взгляд на смятый листок в руке, куда только что записала самую главную истину в своей жизни. Улыбнулась одними лишь уголками губ и взяла ручку...

ВСЁ ПОЛУЧИЛОСЬ

Солодилова Елизавета (16 лет)

Героям-железнодорожникам посвящается

«Без под-ви-га же-лезно-до-рожников не было бы на-шей по-беды. Гэ. Жуков», — по слогам прочитал маленький мальчик надпись на большом монументе.

— Дедушка, дедушка, — малыш дернул за руку стоящего рядом пожилого человека в пиджаке с орденами и показал пальчиком на бронзовую фигуру машиниста, — смотри, совсем как ты на старой фотографии! И форма, как у тебя!

Дед с гордостью и восхищением разглядывал памятник, у основания которого располагалось пять фигур, представляющих основные профессии железнодорожников. Этот памятник народного художника России Салавата Щербакова установили в Москве совсем недавно, в 2020 году. Бронзовый

бронепоезд с надписью «За Родину!», как стрела, «летел» вперед, а венчал композицию орден Победы.

Дед с улыбкой посмотрел на внука:

— Да, внучок, и правда, похож, — улыбнувшись, он похлопал мальчика по плечу.

Глаза старика гордо взирали на недавно открывшийся в столице монумент:

— Когда-то я был одним из них. Да... Давно это было, давно...

Дед замолчал, мысли его были где-то там, в далеком сорок втором, когда у стен Сталинграда решалась судьба нашей страны.

Высоко в небе ярко-желтый диск луны освещал поблескивающие сталью рельсы. Машинист Иван Шурупов с воспаленными от бессонницы веками и свинцовой усталостью в теле вглядывался вдаль. Много лет он проработал на станции Лиски и всегда был первым в своем деле. Вот и сейчас, когда шел второй год войны, когда фашисты подходили все ближе и ближе к Сталинграду, он, преодолевая усталость и голод, вел эшелон с танками. Накануне он получил приказ: доставить к линии фронта танковую часть. А два дня назад фашисты разбомбили ближайший железнодорожный путь, на который сбросили около сотни бомб. Вся земля была изрыта воронками и усыпана осколками. Погибли товарищи. Но Шурупов вместе со своим помощником Завилохиным и кочегаром Якушевым понимал, что судьба Сталинграда зависит от них.

— Ничего, фрицы жмут, но и наши скоро поддадут им жару. Кукиш им, а не Сталинград, — сказал машинист.

— Да, — подхватил Завилохин, ну и ночка была. — Сегодня пока спокойно. Бог даст — не помрем.

— Умереть-то каждый может, — ответил Шурупов, а вот ты приказ выполни, танки доставь. Это дело потруднее будет.

— Доставим, Иваныч, нечто мы не понимаем, елки-палки. Нас голыми руками не возьмешь. Русские просто так не сдаются!

— Не зря нас называют воинами стальных магистралей, — улыбнулся кочегар.

— Вот и молодцы. А ночка-то, и правда, хороша. Будто и нет войны.

Кругом царила тьма, и только звезды мерцали на небе. Свет от прожектора освещал железнодорожное полотно и мелькающие по сторонам деревья, которые то появлялись, то снова исчезали, прячась в тени. Только луна оставалась

недвижима, казалось, поезд вот-вот догонит её, такую далекую, но такую близкую. Никогда еще ночь не казалось Шурупову такой прекрасной.

Вдруг размышления машиниста прервал шум. Привычное «чух-чух» смешалось с жужжанием и рокотом мотора. Откуда доносился этот звук, Шурупов никак не мог понять и вдруг увидел в небе небольшую точку, которая все приближалась и приближалась.

— Самолет! Вражеский самолет! — застучало в голове машиниста.

Фашистский истребитель летел прямо на состав, а через минуту он открыл огонь. Пули одна за другой отлетали от металла.

— Прямо в нас целится, гад! Задумал поезд под откос, а с ним и танки. Ну, уж нет! А ну-ка, Якушев, поддай-ка пару, — скомандовал Шурупов.

Паровоз набирал скорость. Наши бойцы, находившиеся в танках, открыли огонь по немецкому «Юнкерсу».

— Почему он не сбрасывает бомбы? — прокричал Завилохин, укрываясь от града пуль.

— Наверное, этот гад уже выпустил их и возвращается на базу! — решил Шурупов.

— Из пушки бьет, сволочь!

Через секунду снаряд влетел прямо в контрбудку. Все произошло за считанные секунды: три осколка попали Ивану Шурупову в голову, один в живот. Машинист покачнулся, но только еще крепче вцепился в рычаг. Якушев подхватил своего товарища, придерживая сзади, чтобы тот не упал. Надо было останавливать поезд, двигаться дальше было невозможно. Шурупов из последних сил дернул за рычаг — раздалось сильное шипение, состав остановился.

— Бери под руки, я — под ноги. Снимаем его с машины! Быстрее, «юнкерс» снова заходит! — прокричал Завилохин Якушеву, и, подхватив товарища, они вынесли его из кабины и попытались спрятать в высокой траве недалеко от железной дороги. Но самолет облетел состав, покружил и улетел.

— Всё, баста, все снаряды на нас извел, гад, — сказал Завилохин, глядя на пробитый эшелон и раненых солдат. — Сейчас с подкреплением прилетит!

К машинисту подбежал военный врач:

— Держись, Иван Иванович, держись! Сейчас я тебе перевяжу, будешь как новенький.

Шурупов, преодолевая боль, попытался подняться. Но ноги, словно ватные, подкашивались. «Да что же это я, умирать, что ли, собрался? Нет, Шуруп, не время тебе еще! У тебя приказ! Кто доставит танки?! Нет, не дождетесь! Вставай, на том свете отлежишься! А сейчас вставай!»

— А ну-ка, ребята, помогите мне подняться, — произнес Иван Иванович.

Через минуту Шурупов с помощью товарищей поднялся в кабину, взялся за реверс и плавно тронул с места огромный состав. Якушев вновь поддерживал машиниста, упираясь ему в спину. Когда эшелон набрал скорость, Иван, обессиленный, уронил на подлокотник голову. Боль была везде, каждый стук колес отдавался в теле. Но останавливать поезд уже было нельзя: немец обязательно вернется, и не один. Надо укрыть состав, надо спасти танки.

— Что делать, Иваныч?

— Надо укрыть эшелон, — преодолевая боль, продолжал Шурупов. — Недалеко есть лесопосадки. Там мы можем спрятать паровоз. Давайте, давайте, ребята, скоро самолеты вернутся, но уже с бомбами.

Поезд с каждой минутой набирал ход. Помощник поддерживал Ивана Ивановича изо-всех сил и с тревогой наблюдал, как тот истекал кровью. Шурупов слабел, сердце почти не билось. В мыслях снова и снова раздавалось: «Танки. Нужно доставить танки. Где же лесополоса? Надо успеть!».

Через несколько минут показалась лесополоса, но это последнее, что мог разглядеть Шурупов. Когда эшелон остановился, Ивана Ивановича бережно положили на носилки и увезли в ближайший госпиталь. Он не смог увидеть, как над лесополосой кружились немецкие самолеты, которые так и не обнаружили состав с танками.

— А ведь не нашли!

— Дед, ты чего? — перебил воспоминания звонкий голосок. — Кого не нашли?

Танки, стало быть не нашли, — дед улыбнулся внуку и осторожно щелкнул по любопытному курносому носику, — спрятали мы их! Выполнили задание-то!

— Какие танки? Какое задание? Дед, ты чего? — с удивлением воскликнул малыш.

А Иван Иванович смотрел на гранитный поезд, на светлое небо, в котором не было самолетов, не было дыма, лишь яркое солнце, которое приветливо смотрело на машиниста, словно хотело сказать: «Все получилось».

СОЛДАТСКОЕ ПИСЬМО

Журавлёва Евгения (12 лет)

Я всегда представляла себе, что музеи — это большие залы, где выставлены редкие экспонаты, картины и шедевры мировой культуры. Но в нашей школе музей совершенно не такой, он маленький, это всего лишь несколько стеллажей. Что же может хранить в себе такой музей?

В школьном музее хранятся потрескавшиеся от времени фотографии, пожелтевшие документы и потрёпанные листки бумаги, исписанные неровным почерком. Моё внимание привлёк маленький прямоугольник, с истёртыми рваными краями, но на нём были чётко видны надписи. Это почтовая карточка.

В годы Великой Отечественной войны на таких прямоугольниках солдаты писали письма своим родным, которые с нетерпением ждали их дома, а потом много раз перечитывали вслух, всей семьёй, и убирали в укромный уголок. На карточке чётко виден адрес назначения: Куйбышевская область, Хворостянский район, село Елань, Трошкину Григорию Трофимовичу и адрес отправителя: 1423 полевая почта, часть 198, Трошкину В.Г. Почерк бойца чёткий и разборчивый. Хотя и видно, что писал второпях. Боец, отправляя домой весточку, и не помышлял о том, что спустя десятилетия, кто-то посторонний будет читать это письмо. Поэтому он писал просто, откровенно, порой незатейливо, передавая приветы своим родным и близким. Что же мог написать солдат своим родным с фронта на маленьком клочке бумаги, всего в четырнадцать строк.

Я читаю первые строки письма: «Здравствуйте папенька, маменька, бабушка, Маруся, Лида и Нина». Виктор обращается к каждому из домочадцев, показывая тем самым, что он всегда помнит о них. Читаю дальше: «Сообщаю, что в настоящее время я жив и здоров, чего и Вам от всей души желаю». Это самые заветные слова, которые ждали с фронта — жив и здоров! С какой нежностью и любовью Виктор относится к своим родным. «Ваше письмо получил, за что сердечно благодарю». Так же, как и в тылу, на фронте ждали вестей из дома. Получая заветный треугольник от близких, солдат в мыслях возвращался домой. Письмо

почти подошло к концу: «Сейчас пока отдыхаем, что дальше, потом увидим. Вот и всё». Письмо было написано в редкое затишье.

Ну что же сам Трошкин Виктор? Вернулся ли он домой к своим родным, так же как благополучно дошло его письмо? Увы, нет. В музейной справке к письму запись: «Трошкин Виктор Григорьевич — пропал без вести». Восемнадцатилетнем пареньком, Виктор, в октябре 1941 года, был призван в армию. Служил в 366-ой стрелковой дивизии (19-ой гвардейской), которая участвовала в Ленинградской оборонительной и Великолукской наступательной операциях. Официальные документы гласят: «Пропал без вести в конце 1942 года». Письмо же его было написано 21 октября 1942 года, возможно, это были последние слова, обращённые к дорогим ему людям. Солдатские письма — это бесценный источник, который позволяет заглянуть в душу человека-солдата, понять его мысли и чувства. О чём думал наш солдат, когда писал это короткое письмо? Конечно, о Победе, о том, что закончится война, что дома его ждут «...папенька, маменька, бабушка, Маруся, Лида и Нина».

В нашем селе не осталось родственников солдата Трошкина Виктора, но есть маленький клочок бумаги, хранящийся за стеклом школьного музея — это и есть реликвия, которая напоминает нам о страшных днях войны. Письмо солдата осталось как связующая нить между поколениями военных лет и нами, живущими уже в другом тысячелетии. Я несколько раз перечитывала это письмо и думала, какой же сильный и могучий дух у нашего народа. И пока у нас будут такие примеры, никто не сможет сломить нашу Родину.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ДОБРЫМ?

Никитина Софья (16 лет)

Нередко в жизни нам приходится слышать слова: «Этот человек добрый» или «Он совершил добрый поступок». А как часто мы задумываемся над тем, что такое доброта и легко ли быть добрым?

На первый взгляд доброта кажется нам простым и естественным качеством, ведь все мы с детства знаем, что нужно помогать другим, быть отзывчивыми и милосердными. Однако в жизни проявление доброты нередко требует немалых душевных сил и мужества. Чтобы помочь человеку, нужно отложить на потом свои собственные дела, планы или отказаться от чего-то важного для себя, пожертвовать своим временем, интересами. Далеко не каждый способен на это. Кроме того, люди

не всегда отвечают добром на добро: искреннюю помощь могут не оценить, принять за навязчивость. Все это может заставить человека задуматься о том, а стоит ли вообще вникать в чужие проблемы и проявлять участие?

В современном мире, в этом стремительном потоке жизни, свои собственные проблемы могут приглушить способность человека сопереживать, сочувствовать. В суете дней мы перестаем замечать тех, кто нуждается в помощи, становимся равнодушными к окружающим, сосредотачиваясь только на своих заботах, и зачастую проходим мимо чужой беды. Поэтому преодолеть все это и остаться чуткими, внимательными к людям — задача не из легких.

Иногда проявление доброты и бескорыстной помощи может сыграть важную роль в жизни человека. Буквально вернуть его к жизни, вселить уверенность в завтрашнем дне и изменить его жизнь к лучшему. Такой пример описывает Александр Куприн в рассказе «Чудесный доктор». Доктор Пирогов, встретив отчаявшегося Мерцалова, не прошел мимо, а сначала просто выслушал его, а потом оказал помощь его семье. Он осмотрел больную девочку, дал денег на лекарства и продукты, поддержал семью словом и делом в сложной жизненной ситуации. Он совершил не только добрый поступок, а проявил душевную щедрость, неравнодушие к чужой беде.

В произведении Платонова «Юшка» главный герой терпит насмешки и унижения, но остается добрым и бескорыстно помогает девочке-сироте. Его доброта — это проявление огромной внутренней силы и стойкости. В повести Юрия Яковлева «Мальчик с коньками» рассказывается о том, как обыкновенный школьник, торопившийся на каток, увидел мужчину, которому на улице стало плохо. Он помог ему дойти до дома и позвонил в службу «Скорой помощи». Оказывается, у этого мужчины семья уехала в другой город в гости, и единственным близким человеком в сложный момент стал этот незнакомый мальчик. Мужчине нужна была срочная операция, так как дал знать о себе осколок, оставшийся с войны. И мальчик целый день просидел в больнице, чтобы узнать исход операции. К счастью, благодаря вниманию и заботе мальчика все закончилось благополучно.

Для некоторых людей доброта становится привычным состоянием души. Они умеют замечать нужды других и рады им хоть чем-то помочь. Добрые поступки

становятся для них радостью, которая наполняет их душу теплом. В рассказе Шолохова «Судьба человека» рассказывается о тяжелой доли солдата Андрея Соколова, прошедшего плен и потерявшего семью. Но его сердце не очерствело, оно сохранило доброту, заботу и ласку, которую он сумел проявить к осиротевшему мальчику. Он взял его на воспитание, сказав, что он и есть его отец.

Так легко ли быть добрым? Я думаю, что доброта только тогда становится естественной и легкой, когда исходит из искреннего желания помочь, и это приносит человеку радость и удовлетворение. Но быть добрым не всегда бывает легко. Это требует работы над собой, душевных усилий. Но именно такие усилия делают нас человечнее, а мир светлее и добрее. И возможно, трудность заключается не в самом проявлении доброты, а в том, чтобы сохранить ее в сердце, несмотря на жизненные испытания.

ПАМЯТЬ В СЕРДЦЕ, ГОРДОСТЬ В ПОКОЛЕНИЯХ!

Синичкина Анна (17 лет)

Человеческая память! Время не властно над ней. В 2025 году наша страна отметила 80-летие великой Победы. 80 лет отделяют нас от суровых и грозных лет войны. Но время никогда не изгладит из памяти россиян Великую Отечественную войну. Сколько боли, потерь и страданий она принесла нашему народу! Сколько человеческих жизней унесла война! Если бы за каждого погибшего человека объявили минуту молчания, мир молчал бы 50 лет! Вспоминая мужественных защитников нашего Отечества, мы постоянно возвращаемся к тем памятным событиям, которые пережил наш народ в огненные военные годы.

9 Мая — самый прекрасный и самый горький праздник для россиян. «С сединою на висках», «со слезами на глазах». Снова цветы на братских могилах и мемориалах. Внуки и правнуки вспоминают родных, которые ковали Победу на фронте и в тылу. В известной песне из кинофильма «Офицеры» есть замечательные строчки:

Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой...

Эти слова дороги всем россиянам, потому что эхо войны отозвалось в сердце каждой семьи. Тяжёлый и трудный путь прошли воины Красной Армии к Победе. Я

горжусь тем, что в моей семье были красноармейцы — защитники Родины. Это мои прадедушки. К сожалению, они умерли до моего рождения. Я видела их только на старых пожелтевших фотографиях, которые хранятся в нашем семейном альбоме, как святыни.

Фотография моего героического прадедушки Болотина Петра Васильевича занимает особое место не только в нашем семейном фотоальбоме, но и в музее боевой и трудовой славы Авангардской школы Алексеевского района. Прадедушка попал на фронт в девятнадцать лет. Он был шофёром, на полуторке подвозил снаряды, тащил пушки. При переправе через Одер мост под машиной прадедушки взорвался, он оказался в ледяной воде. Но выбрался, доплыл до берега, занятого фашистами, и угнал вражескую машину с трофейной пушкой. Эта пушка потом метко била по врагам. Прадедушка Пётр был ранен, контужен. За боевые подвиги красноармеец Пётр Васильевич Болотин был награждён двумя орденами Славы: за переправу через Одер и за взятие немецкого города Дрезден.

...За бой, за Одер орден Славы

Вручила Родина ему.

Эти строки из стихотворения «Шофёр», которое поэт-земляк Фёдор Сергеевич Востриков посвятил моему прадедушке Петру Васильевичу Болотину. Сборник Ф.С. Вострикова «Ковыльные холмы» и номера местной газеты «Степная правда» со стихотворением о прадедушке мы бережно храним в семье.

Ещё одна фотография из фотоальбома является семейной реликвией, она особенно дорога мне. На ней — молодой красивый красноармеец в остроконечной будёновке с большой красной звездой. Это прадедушка Василенко Иван Иванович. Во время Великой Отечественной войны он был пехотинцем, освобождал Кёнигсберг, Чехословакию. Победу встретил в Берлине, оставил на рейхстаге подпись: «Мы с Волги!».

Великая Отечественная война не гремела над просторами самарского Поволжья. Мой родной край находился в тылу, но вклад куйбышевцев в Великую Победу невозможно переоценить. Куйбышев в годы войны стал запасной столицей Советского Союза. Сюда были эвакуированы крупные предприятия. Куйбышевцы были по-настоящему мощным тылом для фронта — наши земляки работали на Победу, помогали своим героическим трудом тем, кто сражался с фашистами на фронте. Все, от мала до велика, трудились на благо страны. «Работать за себя и товарища, ушедшего на фронт!» — таким был девиз.

За трудовые подвиги в годы Великой Отечественной войны орденами и медалями награждено около двухсот сорока тысяч трудящихся Куйбышевской области. Так высоко оценила Родина подвиг наших земляков. В нашей семье хранится медаль прадедушки Сергея Сергеевича Синичкина «Участнику трудового фронта. XXX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945». Прадедушка

Синичкин Сергей Сергеевич во время войны работал в тылу, приближая долгожданную Победу: он был замечательным мастером на Куйбышевском авиационном заводе. Здесь в годы Великой Отечественной войны искусные руки рабочих собирали боевые самолеты ИЛ-2. Эти штурмовики были грозными орудиями советских лётчиков. Фашисты называли их «чёрной смертью». Награда прадедушки дорога нам, внукам и правнукам труженика тыла. Мы смотрим на семейную реликвию и понимаем, как справедливы слова: «Медаль за бой, медаль за труд из одного металла льют!»

В нашей семье с особой гордостью говорят о подвигах красноармейца Синичкина Фёдора Михайловича. Фёдор Михайлович — брат прадедушки Сергея Сергеевича Синичкина, уроженец села Гавриловка Алексеевского района, за проявленное мужество был удостоен высокого звания Герой Советского Союза. Война застала его в крепости Осовец Белостокской области. Вместе со своим подразделением он принял бой в первые часы войны. Подразделение попало в окружение. Фёдор Михайлович собрал небольшой отряд, наносивший удары по врагу. Партизанский отряд под командованием Синичкина вырос в бригаду. Легенды ходили о партизанах бригады. На Родине, в селе Гавриловка, в честь Героя названа улица. Имя Фёдора Михайловича Синичкина золотыми буквами высечено на памятнике в Алексеевском Парке Победы.

Я, как житель Самарской области, испытываю глубокую гордость за подвиги моих земляков-куйбышевцев в Великой Отечественной войне. Не щадя своих сил, собственной жизни, они шли в бой с единым желанием — изгнать захватчиков с родной земли. Путь к Победе был нелёгким. Многие не вернулись на родину. Свыше двухсот куйбышевцев за бессмертные ратные подвиги удостоены высокого звания Героя Советского Союза, тысячи участников сурового военного лихолетья награждены боевыми орденами и медалями. На высоком берегу Волги вознёсся Монумент Славы. Вечный огонь у Монумента Славы — это символ нашей благодарности. Скорбь матери у Вечного огня — это наша общая боль о тех, кто не вернулся с войны. Будет вечно гореть огонь в память о павших героях, защитниках Отечества.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв писал: «Память — наше богатство». В День Победы мы преклоняемся перед подвигом ветеранов-победителей, принимаем участие в шествии «Бессмертного полка». Среди героев «Бессмертного полка» мои дорогие прадедушки! Они защищали родное Отечество в суровые годы, приближали долгожданную Победу! Их имена навсегда останутся в памяти родных и земляков. Я горжусь тем, что наша семья внесла весомый вклад в общую Победу!

Слова Ольги Берггольц «Никто не забыт, ничто не забыто!» находят отклик в сердцах россиян и призывают не забывать о героических подвигах нашего народа. Давайте помнить об участниках Великой Отечественной войны, которые прошагали «пол-Европы, полземли», о тружениках тыла, приближавших своим трудом Победу, чтобы огонь памяти вечно горел в наших сердцах! Пока память жива, они будут бессмертны! Это нужно нам и будущим поколениям!

Областной конкурс юных литераторов «Рыжий лис»

Номинация «Коллективная книга»

«Маленькие истории для больших сердец»

Сборник сказок, рассказов и стихов

Авторы: участники кружка «Мастерская чудес»

СП «Спектр» на базе

ГБОУ ООШ с. Верхнее Санчелеево

Педагог: Буторова

Ксения Алексеевна,

педагог дополнительного образования

учитель начальных классов

СП «Спектр» на базе

ГБОУ ООШ с. Верхнее Санчелеево

**с. Верхнее Санчелеево
2026**

Содержание

Предисловие.....	3
Сказки :	
Серебристый лучик и звёздный кот	4
Как ёжик искал дружбу	6
Сказка о потерянном слове «спасибо»	8
Волшебная кисточка осени	10
Рассказы о природе :	
Мой первый снег	12
Как мы спасали муравья.....	13
Секрет старого дуба	14
Дождик-художник	15
Стихи о школе и друзьях	
«Что такое школа?»	16
«Настоящий друг»	16
«Перемена»	17
«Учительнице нашей».....	17
«Если друг попал в беду»	18
«Спасибо, школа!»	18
Послесловие.....	19

Предисловие от авторов

Здравствуй, дорогой читатель!

Мы участники кружка «Мастерская чудес», учимся в третьем классе и очень любим сочинять. Иногда мы придумываем истории перед сном, иногда — на переменах, а иногда — глядя в окно на падающий снег или весенний дождик.

Нам захотелось собрать все наши любимые истории в одну книгу. Почему мы назвали её «Маленькие истории для больших сердец»? Потому что мы верим: даже самая маленькая история может согреть большое и доброе сердце.

В этой книге есть сказки — про волшебство и чудеса. Есть рассказы о природе — о том, как мы с ней дружим. И есть стихи о школе и друзьях — про нас и про вас.

Мы очень надеемся, что наши истории подарят вам улыбку и тепло.

С любовью, Мастерская чудес

СКАЗКИ

Серебристый лучик и звёздный кот

*Автор: Кудашева Ксения**

В одном маленьком, но очень уютном лесу жил-был Лучик. Не простой солнечный, а особенный — серебристый. Он появлялся только по ночам, когда луна освещала поляну, и тихонько скользил по траве, по листьям, по спящим цветам.

Лучик очень любил ночь. Но иногда ему становилось грустно. Все ночные обитатели — совы, светлячки, летучие мыши — были заняты своими делами. А Лучик хотел с кем-нибудь дружить.

Однажды он забрёл на самую опушку и увидел странное существо. Это был кот. Но не обычный, а звёздный. Его шёрстка переливалась всеми цветами ночного неба, а глаза горели, как две маленькие звездочки.

— Ты кто? — спросил Лучик.

— Я Звёздный Кот, — ответил кот. — Я хожу по земле и собираю упавшие звёзды, чтобы вернуть их на небо. А ты кто?

— А я Лучик. Серебристый. Я просто... есть.

Кот улыбнулся:

— Просто есть? Это самое главное. Хочешь, пойдём со мной? Вдвоём веселее.

И они пошли вместе. Кот искал звёзды, а Лучик освещал ему путь в самых тёмных уголках леса. Они разговаривали обо всём на свете: о том, пахнут ли звёзды мятой, спят ли облака и куда уходит луна днём.

К утру Кот нашёл три звезды и ловко забросил их обратно на небо. А Лучик почувствовал, что это была самая лучшая ночь в его жизни. Ведь когда у тебя есть друг, даже серебристый свет становится теплее.

С тех пор Звёздный Кот и Серебристый Лучик всегда путешествуют вместе. Если когда-нибудь ночью ты увидишь на опушке светящегося кота и

рядом с ним дрожащий огонёк — знай, это они. Помаши им, они улыбнутся в ответ.

Как ёжик искал дружбу

*Автор: Лузина София**

Жил в лесу маленький Ёжик. Он был очень добрым, но колючим. Все звери боялись к нему подойти.

— Не подходи, уколешься! — кричали белки.

— Отойди подальше, — фыркал Заяц.

Ёжик очень грустил. Он сидел под кустом и думал: «Неужели я так и буду всю жизнь один? Ведь колючки — это не нарочно, это я такой родился».

Однажды в лесу случилась беда. Маленький Зайчонок провалился в яму и не мог выбраться. Зайчиха-мама бегала вокруг и плакала. Все звери собрались, но никто не знал, что делать. В яму страшно прыгать — вдруг сами не вылезут.

И тут Ёжик подошёл к краю ямы. Он посмотрел вниз, на испуганного Зайчонка, и... покатился вниз!

— Ай! — закричали звери. — Он же разобьётся!

Но Ёжик свернулся в клубок и мягко, как мячик, докатился до дна. Он подполз к Зайчонку и сказал:

— Залезай на меня сверху. Я подниму тебя. Только держись за мои колючки покрепче, не бойся.

Зайчонок забрался Ёжику на спину, уцепился лапками за колючки, а Ёжик упёрся лапками в стенки ямы и начал подниматься. Это было очень трудно, но Ёжик хотел помочь другу.

Звери наверху увидели, как из ямы показалась колючая спинка, а на ней — счастливый Зайчонок. Они вытащили обоих.

Зайчиха обняла Ёжика (осторожно, чтобы не уколоться) и сказала:

— Спасибо тебе! Ты настоящий герой!

И тут все звери поняли: неважно, какой ты снаружи — колючий или пушистый. Важно, что у тебя внутри. А у Ёжика внутри было самое большое и доброе сердце.

Теперь у Ёжика много друзей. Они играют вместе, а если кому-то страшно подойти близко, он просто говорит:

— Не бойся, я не уколую. Я теперь умею быть мягким. Для друзей.

Сказка о потерянном слове «спасибо»

*Автор: Воробьева Маргарита**

В одном городе жила девочка Маша. Она была хорошей, но почему-то всё время забывала говорить «спасибо». Бабушка сварит ей кашу — Маша съест и убежит гулять. Мама купит новую куклу — Маша обрадуется, а «спасибо» не скажет. Друзья поделятся конфетой — Маша возьмёт и дальше играет.

Однажды ночью, когда Маша спала, случилось странное. Слово «спасибо» обиделось и ушло из её комнаты. Оно вышло на улицу и побрело куда глаза глядят.

А утром Маша проснулась и ничего не поняла. Она захотела поблагодарить солнышко за тёплый лучик — а слово не находится. Хотела сказать маме «спасибо» за вкусный завтрак — язык не слушается. Маша испугалась.

— Мама! — заплакала она. — Я потеряла «спасибо»!

Мама удивилась, но сказала:

— Надо искать. Без него никак.

Маша оделась и пошла искать своё слово. Идёт по улице, видит — сидит воробей на ветке.

— Воробей, ты не видел моё «спасибо»?

— Чик-чирик, — ответил воробей. — Я слышал, оно к реке пошло. Там утки кричали, может, оно с ними.

Пошла Маша к реке. А там утки плавают.

— Утки, вы не видели моё слово?

— Кря-кря, — ответили утки. — Было тут одно, грустное такое. Сказало, что его никто не говорит. Поплыло дальше, в лес.

Пошла Маша в лес. Темно в лесу, страшно. Вдруг видит — на полянке сидит Старичок-Лесовичок, а рядом с ним светится в воздухе слово «спасибо».

— Дедушка, это же моё слово! — обрадовалась Маша.

— Твоё-то твоё, — покачал головой Лесовичок. — Да только оно обратно не хочет. Говорит, обидели его. Ты его не ценила, не говорила. А слово, оно ведь живое. Ему тепло нужно.

Маше стало очень стыдно. Она подошла к слову и тихо сказала:

— Прости меня, «спасибо». Я была неправа. Ты такое важное и доброе. Без тебя и радость не радость. Пойдём со мной домой, я тебя каждый день буду говорить. Честно-пречестно!

Слово «спасибо» засветилось ярче, подлетело к Маше и легло ей на ладошку.

С тех пор Маша никогда не забывает благодарить. И слово «спасибо» живёт у неё в сердечке и всегда готово вылететь, чтобы согреть того, кто сделал что-то хорошее.

А вы часто говорите «спасибо»? Проверьте, на месте ли ваше слово?

Волшебная кисточка осени

*Автор: Яковлев Арсений**

Каждую осень в лесу происходит чудо. Но одно чудо случилось прямо на глазах у двух сестёр — Ани и Лены.

Девочки пошли гулять в парк. Вокруг всё было золотое, багряное, оранжевое. Листья шуршали под ногами, и казалось, что они шепчут свои сказки.

Вдруг Аня увидела под кустом маленькую кисточку. Совсем как настоящая, художническая, только очень маленькая. Кончик у неё был жёлтый, как солнышко.

— Смотри, какая красивая! — сказала Аня.

— Наверное, художник потерял, — ответила Лена.

Девочки взяли кисточку и пошли дальше. Аня провела кисточкой по зелёному листику клёна. И вдруг листик на глазах пожелтел! Настоящий, живой листик!

— Ой! — ахнула Аня.

— Это волшебная кисточка! — догадалась Лена. — Это сама Осень её обронила!

Девочки обрадовались и решили помочь Осени. Они начали раскрашивать листья. Один листик сделали красным, другой — жёлтым, третий — оранжевым. Им было так весело!

Вдруг из-за дерева вышла женщина в золотом платье. Это была Осень.

— Здравствуйте, девочки, — улыбнулась она. — Спасибо, что помогаете. Я так устала, столько работы! А вы мою кисточку нашли?

— Нашли! — хором ответили девочки. — Возьмите, пожалуйста. Мы немножко покрасили, но больше не будем без спросу.

— Красьте на здоровье! — засмеялась Осень. — Вы так хорошо это делаете. Хотите, оставлю вам кисточку до вечера? Докрасите парк, а я отдохну.

Девочки, конечно, согласились. До самого вечера они ходили по парку и раскрашивали листья. А когда стемнело, положили кисточку под тот самый куст, где нашли.

Утром кисточки уже не было. Но парк стоял такой красивый, словно его разрисовал самый лучший художник. А на деревьях, там, где прошлись девочки, листья светились особенно ярко.

С тех пор Аня и Лена каждую осень выходят гулять. Вдруг Осень снова оставит свою кисточку?

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

Мой первый снег

*Автор: Седова Василиса**

Это было в ноябре. Я проснулась утром, подошла к окну и... замерла. Всё вокруг было белым! Белые крыши домов, белые деревья, белая земля. Это выпал первый снег.

Я быстро оделась и выбежала во двор. Снег хрустел под ногами, как свежий сухарик. Я подняла голову вверх, и снежинки начали падать мне на лицо. Они были такие разные! Одни — похожие на маленькие звёздочки, другие — на пушинки, третьи — на крошечные цветочки.

Я поймала одну снежинку на варежку и стала рассматривать. Она была необыкновенно красивая, вся в узорах, как будто её нарисовал художник-волшебник. Я задержала дыхание, боялась пошевелиться. Но снежинка полежала немножко и... растаяла. Превратилась в маленькую капельку воды.

Мне стало немножко грустно. Но тут прибежали мои друзья, и мы начали лепить снеговика. Снег был липким, и снеговик получился замечательный — с морковкой вместо носа и старым ведром на голове.

Вечером я снова посмотрела в окно. Снеговик стоял во дворе и улыбался мне угольками-глазами. А снег всё падал и падал. И мне показалось, что он шепчет: «Я пришёл к тебе, Ксюша. Здравствуй!»

Теперь я каждый год жду первого снега, как встречи с добрым старым другом.

Как мы спасали муравья

*Автор: Стройкина Варвара**

В воскресенье мы с папой пошли в лес за грибами. День был солнечный, тёплый. Мы шли по тропинке, и вдруг я увидела на дороге большую лужу.

А в луже... барахтался муравей. Он попал в воду и никак не мог выбраться. Лапками шевелит, пытается плыть, а его всё время относит обратно. Ещё чуть-чуть — и утонет.

— Папа, смотри! Муравей тонет! — закричала я.

— Надо спасать, — сказал папа.

Я наклонилась к луже. Муравей был маленький, чёрненький, совсем мокрый. Я протянула ему травинку. Но он, наверное, испугался и не понял, что я хочу помочь.

— Как же его спасти? — расстроилась я.

— Давай попробуем листиком, — предложил папа.

Папа нашёл сухой листик и положил его на воду рядом с муравьём. Муравей из последних сил уцепился за край листика и забрался на него. Мы тихонько подтянули листик к берегу.

Муравей перебрался на сухую землю и замер. Он был такой уставший и мокрый! Я подумала, что он, наверное, заболеет. Но тут выглянуло солнышко и стало его согревать.

Посидев немного, муравей пошевелил усиками и побежал в траву. Наверное, к своим, домой. А я смотрела ему вслед и радовалась: какой же это маленький, но настоящий подвиг — спасти одну маленькую жизнь.

Теперь я всегда смотрю под ноги. Вдруг кому-то снова понадобится моя помощь?

государственное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная
школа № 14 «Центр образования» имени кавалера ордена Ленина Н.Ф. Шутова
городского округа Сызрань Самарской области

структурное подразделение, реализующее дополнительные общеобразовательные программы,
«Дворец творчества детей и молодежи»
(СП ДТДиМ ГБОУ СОШ № 14 г.о. Сызрань)

Окружной этап областного конкурса юных литераторов «Рыжий лис»

Номинация «Коллективная книга»

Коллективная книга *"Солдат войны не выбирает"*

(сборник рассказов и сочинений о необъявленных
войнах в Чечне)

Автор: объединение журналистики
«Золотое перо»
СП ДТДиМ ГБОУ СОШ № 14 г.о. Сызрань

Педагог: Крылова Людмила Леонидовна,
педагог дополнительного образования
СП ДТДиМ ГБОУ СОШ № 14 г.о. Сызрань

г. Сызрань, 2026 год

Аннотация книжного проекта

Чеченские войны (1994–1996, 1999–2009) часто называют «необъявленными войнами» в российской истории. Этот термин подчеркивает, что масштабные боевые действия с участием регулярной армии велись без официального объявления войны, часто в формате «контртеррористической операции».

За Победу в войнах была заплачена самая высокая цена – цена жизни. В судьбе многих семей «необъявленные войны» оставили свой след. Наши деды и отцы, дяди и братья каждый день совершали подвиг. История войн научила нас очень важной вещи: войны заканчивается не тогда, когда стихает оружие. Они продолжаются в судьбах людей, которые через них прошли.

Эта книга - сборник небольших рассказов, заметок обучающихся объединения журналистики «Золотое перо» СП ДТДиМ г.о. Сызрань, написанных для участия в фестивалях и конкурсах разного уровня в качестве творческих работ.

В каждой из них история семьи, своего героя и, просто человека, живущего рядом. Наша задача – сохранить память о подвиге солдат, которые своей самоотверженностью, но прежде всего невероятной любовью к Родине обеспечили мир, свободу и независимость новым поколениям.

Война — пережиток прошлого, явление, которое должно исчезнуть в цивилизованном обществе будущего. И образцы героизма, которые демонстрировали наши соотечественники несколько десятилетий назад, доказывают лишь то, что война противоречит здравому смыслу. Но современные события показывают: здравый смысл присущ далеко не всем политикам и государственным деятелям. Вспомним некогда популярный лозунг «Нет войне!» К сожалению, он по-прежнему актуален...

По страницам памяти

Во время войны законы молчат.

Марк Анней Лукан (древнеримский поэт)

Что мы знаем о войне? Война – вооруженная борьба между странами или народами, гласит нам словарь. Но многие знают, что война, - это не просто конфликт с применением оружия. Война – это нечто нечеловеческое, пришедшее из глубин ада. Это пять букв, от которых ты сжимаешься в ужасе. Это мольбы о прекращении этого кошмара, от которого нельзя проснуться. Это тысячи оборванных жизней, иногда даже очень коротких. Это слёзы и разорванные от горя и муки сердца матерей, которые готовы проклинать войну и оружие...

Как говорил один человек, убийство, - дело непростое, что бы ни думали на этот счёт простаки. И самое страшное, что *убийство и смерть* здесь правят. Война уничтожает людей, беспощадно уносит одну жизнь за другой. И здесь нет законов, лишь предрассудки.

Летом 2024 года мы с ребятами из нашей школы ездили на Кавказ. Тридцать лет назад здесь стреляли орудия, а сейчас короткая колючая трава щекочет ноги, а в лицо дует холодный ветер. Посмотришь вниз, - и перед тобой нависает крутой обрыв. Поднимешь голову вверх, - высокие скалы и снежные шапки гор. Редко слышно блеяние горных козлов, которое тут же затихает.

Эту историю рассказал мне Саша В., мой одноклассник. Вместе с некоторыми ребятами он отбился от основной группы. Им пришлось прятаться в небольшой пещере, покрытой густой листвой. Как он мне рассказал, они хотели убрать один булыжник, что бы освободить побольше места. За камнем что-то было. Это оказался дневник солдата Дмитрия С., участвовавшего в то время в Чеченской войне. Рядом лежала пачка писем.

Всё это Саша передал мне, как ответственному за нашу группу. Дневник и письма с войны, - вещь крайне ценная. Перед тем, как отдать дневник классному руководителю, я открыла его, - всё равно потом будет открыт на обозрение школьникам. Почерк был мелкий, ровный, иногда написано было явно второпях. Простым карандашом, даже не ручкой. И всё, что было на этих листках бумаги, повергло меня в шок. Медленно перебирая листки, я читала это на собрании нашей группы.

19.12.94. Учения были короткие, не дольше недели. Командир роты, в которую меня определили, оказался серьёзным и хмурым мужчиной со шрамами на лице. Ещё в Афгане воевал. Как только явились, спросил: «стрелять, кто умеет?». И больше ничего. Руки подняли почти все, а «по-настоящему пригодными» оказались человек тридцать, не больше. Я в их числе. Когда сказали нам, что после присяги по восставшим чеченцам бить будем, у меня почему-то внутри всё перевернулось. Жутко это, понимать, что убивать придётся. И учения вспоминать не люблю, - постоянно напоминали об этом.

23.12.94. Попал в разведывательный полк. На Кавказе, близ Тазбичи. Аул такой. Служивцы вроде люди как приятные. Опасно всё это, легко проколоться можно, да деваться некуда – отечеству служить надо. Получил письмо от мамы. Старается волнения не показывать, пишет, что всё хорошо, - и Тёмка в школу пошёл, и Надя меня ждёт. А у самой рука дрожала наверняка. Обещает писать как можно чаще и следить за всеми новостями. Скучаю по всем ним после каждой прочитанной строчки всё больше, но виду не подаю. Никто же не хотел этого.

25.12.94. Дела идут потихоньку. Пару раз уже в разведку высылали. Не замечали даже. Аул небольшой, домов в пятнадцать. И детишки там. Хорошие очень.

26.12.94. Снова выходили в разведку в аул. Заметила какая-то пожилая женщина, крик подняла. Ну, вышли люди, и давай по нам стрелять, видимо, несколько солдат их здесь было. Мы отбиваемся, а они ещё хлеще. У нас ранило несколько, а там одного убили. Женщину. Ребёнка загородила...

30.12.94. Прошла только неделя с моего прибытия сюда, а уже двоих убили. Вчера Вовка погиб. До сих пор в глазах тот ужасный момент. Чеченцы гранату бросили, а вокруг горы. Вот его камнями и засыпало. Только сегодня днём откопали.

31.12.94. Уже новый год. Если б не война, сидел бы дома с семьёй. Мама бы приготовила салаты и жареную курицу, которую я так люблю; подарила бы очередной вязаный свитер. Колючий, но красивый. Тёмка бы рассказал о том, как ему нравится учиться и подарил бы самодельную открытку или игрушку. Надя обняла бы и рассказала о том, что у них в школе творится. Сплетни всякие. Раньше я этого терпеть не мог, а сейчас бы послушал с удовольствием.

02.01.95. Нашли мальчонку. Узнал его быстро, - помню, как неделю назад убили именно его маму. Голодный, худой. Жалко его стало всем, взяли к себе ненадолго. Один Носиков заподозрил, что мол, шпион. Но глаза у Ибрагима (так звали мальчика) были очень напуганными. Наверное, это страшно, стоять перед теми, кто лишил тебя близкого.

03.01.95. Письмо от мамы. У них всё хорошо. Очень рада, что я прислал ей ответ тогда. Как раз за день до нового года. Ответ пытался писать дрожащей рукой. Рассказал про Ибрагима, но умолчал про то, что через неделю нас переводят в Грозный. Не хочу её тревожить.

07.01.95. Все только о Грозном и говорят. Ибрагим, кажется, прижился, но страх в глазах остался. Рассказал что там и как. Смогли вылезти на местный рынок. Продуктов почти нет, но для нас и это настоящая пирушка.

13.01.95. В Грозном разруха и голод. Бомбят часто, обстрелы. Видел девушку с зеленой лентой в волосах, - ополченцы. Кажется, какого-то ребёнка переводила через опасное место, куда стреляли часто. Очень холодно, кутаемся, во что можем.

14.01.95. От мамы снова письмо. Тёмка приболел, потому что едва не сбежал из дома. Видимо, прочувствовал, что что-то не так. Написал ему отдельно, говоря, что война — не дело детей. Здесь никаких законов нет, и никто не вступится.

15.01.95. Отстреливались. Я попал в кого-то, но лица не разглядел. Уже вроде почти месяц, а при виде трупов всё равно в груди щемит.

17.01.95. В ходе перестрелок подорвали проезжающий рядом автобус. Люди бежали, как могли. Снова женщину с ребёнком видел. Страшно было смотреть.

Дальше было пятно крови на странице и пусто. Записи закончились. Было непонятно, как этот дневник оказался здесь, если его владелец прослужил в Грозном. Было очень интересно узнать о судьбе Дмитрия С. И мы с Сашей занялись этим сразу после того, как вернулись из поездки домой. Информации было никакой, - ни в интернете, ни в архивах нашего города. Мы уже потеряли надежду, но ответ внезапно нашёлся сам.

В одно июньское утро мы прогуливались по городу. Солнце уже взошло, но на земле ещё стояли сумерки. Мы дошли до памятника воинам-интернационалистам,

который является данью памяти погибшим в Афганистане и Чечне. И там мы увидели женщину с молодым мужчиной. Саша подошёл поближе, я же осталась на месте. Он заговорил с ними, и я разглядела их. Женщине было около шестидесяти с чем-то, но выглядела она старше. В волосах виднелась седина, виски и вовсе были пепельного цвета; лицо было бледным и осунувшимся. Мужчине было примерно тридцать пять. Он стоял, понуро опустив голову и обняв мать (а то, что это его мать, мы не сомневались). Саша о чём-то их спросил. Мужчина прищурился и что-то серьёзно отвечал; женщина с трудом удержалась, что бы не разрыдаться.

Я подошла ближе, и уже стояла сзади Саши. Как из разговора выяснилось, мужчину звали Артёмом. Хотелось хлопнуть себя по лбу за непонятливость и грубость моего друга. Ведь это именно о них так часто писал солдат Дмитрий. Это его семья, до сих пор, спустя тридцать лет, не оправившихся от горя. Женщину звали Анастасия Петровна. Спустя какое-то время беседы она пригласила нас к себе в квартиру, чтобы мы передали ей дневник с письмами (стыдно признаваться, но мы его так и не отдали в школьный музей; решили подождать, пока отыщутся родственники погибшего).

Квартира была маленькой, но чистой и уютной. Мы прошли на кухню и почувствовали аромат свежих блинов. Правда есть совсем не хотелось, хоть Анастасия Петровна и упорно настаивала, благодаря нас за то, что мы вернули ей частичку памяти о сыне. Рассказала очень многое; что получили известие о гибели Дмитрия 19 января 1995 года. Эту дату помнит точно. Слышали по телевизору о бомбёжках в Грозном ежедневно, и боялись. И под конец она сказала:

- Я не понимаю, за что это именно нам. Людям, которые только хотели мира и добра всем. Столько людей погублено, хотя только жить начали. Но познали больше, чем некоторые взрослые. И брат тут идёт на брата. Это просто было ужасно, просто аморально... Где же законы жизни и братства, когда ими так пренебрегали?

Мы молчали, хотя я кожей чувствовала, как тяжело дышит рядом Саша. Анастасия Петровна спрятала лицо в платок и всхлипывала. Я молчала, хотя я знала ясный ответ, который кричал в моей голове нечеловеческим голосом. Почему хорошие люди умирают молодыми, хотя не должны? Почему брат может так легко пойти на брата? Откуда люди находили в себе силы убивать и ненавидеть кого-то по глупой причине, которая вовсе причиной и не является? Почему эти шрамы потерь и разлук не заживают третий десяток лет? Где же все эти законы и жизни и братства?

И я знаю ответ. *Во время войны законы молчат.*

Варвара Саксонова, 15 лет

Чечня - война среди мира

Война – это жестокое противостояние сторон, каждая из которых считает себя правой. Солдат войны не выбирает. Верный присяге и воинскому долгу он выполняет приказ, отданный от имени народа Родины. Другого воину не дано. В этом и проявляется его мужество, доблесть, любовь и уважения к родным Родине. И можно сказать, что наши земляки солдаты, сержанты, офицеры проявили себя в Чечне, как миротворцы, защитники спокойствия мирных жителей и до конца выполнили свой долг. Они достойны уважения и всеобщей памяти.

На Руси всегда было честью хранить живую память о воинах, павших на поле битвы. Неслучайно в молитве говорится: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих и Отечество»

Чеченскую войну называли «одной из самых бессмысленных войн в современной истории человечества». Она длилась с 11 декабря 1994 года до 2009 года. Чеченская война была очень жестокой. Со стороны России, погибло около 30 тысяч человек, а сколько ещё попали в плен и пропали без вести...

Подумать только, юноши, которые только окончили школу, были призваны в армию. Некоторые ещё не успели завести семью, а уже пошли на войну. В нашем городе тоже есть такие парни. Один из них Пачалугин Андрей.

Андрей родился и жил в городе Сызрань. Окончил школу № 22, освоил специальность сварщика, получил водительские навыки в оборонно-спортивном обществе. Практиковался в цехе № 5 ОАО «Пластик». Первую зарплату он потратил на своих родных. Он был немногословен, скромен и очень заботлив. Родные его любили, поддерживали и уважали. Перед уходом в армию он отремонтировал дом, подготовил дачу к дачному сезону и каждую ночь вставал к своей маленькой сестричке, чтобы поменять пелёнки. Среди своих ровесников, практически, ничем не отличался, только если своей душевной теплотой к людям. Но в один день его жизнь поменялось кардинально...

В роковой день, 5 марта 2000 года, в чеченское село Комсомольское вошла хорошо вооружённая банда «штыков». ОМОН оборонялся, но всё безуспешно. Вскоре в бой вступили армейские части. Схватка была жестокая. 50 ребят погибли на месте, 300 было ранено. Андрей погиб, когда хотел помочь товарищам. Используя фактор внезапности, он убил несколько бандитов, но за это погиб сам...

Всех, кто воевал, наградили орденом Мужества.

Сейчас в Чечне всё тихо. Уже давно не слышно грохота бомб и свиста пуль. Когда-то полностью разрушенный город Грозный возродился и живёт своей жизнью. А значит, есть смысл жить дальше и забыть ужасы Чеченской войны. А больше всего на свете мне хочется, чтобы небо над нашей Родиной было чистым, чтобы сыновья живыми возвращались домой. А подвигам есть место и в мирной жизни.

Казакова Алена, 15 лет

Мы будем помнить вас всегда

Что такое война?! Думаю, каждый задавался этим вопросом. Война - это слёзы матерей, чьих детей забрала война - это письма, которые получали близкие, когда отправители были уже мёртвы. И зачем же люди идут на такие жертвы, зачем они убивают своих же братьев???

Сколько людей погибло в те страшные дни. Но даже после окончания войны череда смертей не закончилась. Террористические группировки, вербующие и призывающие, даже ценой своей жизни убивать людей. Молодых девушек завлекали

обманом или похищали. Для них даже существовала некая "школа смертников", выпускники которой являлись исполнителями террористических актов в Москве, Ессентуках, Кисловодске.

Теракт в Беслане, произошедший 1 сентября 2004 года, просто поражает своей жестокостью. Три дня террористы держали детей без еды и воды. Озябших, промокших, голодных. Школьники уже потеряли последнюю надежду на спасение. 1 сентября 2004 года группа вооружённых людей в масках подъехала к зданию школы № 1 в Беслане на нескольких автомобилях и прямо со школьной линейки захватила в качестве заложников 1128 человек — детей и их родителей, — загнав их в спортзал школы. Вооружение террористов составили не менее 20 автоматов Калашникова различной модификации и взрывные устройства.

Террористы потребовали от властей освобождения боевиков, ранее задержанных по подозрению в участии в нападении на Ингушетию и вывода российских войск из Чечни. Ну, разве можно держать ни в чем не повинных людей из-за политических разногласий?! Одновременно террористы пригрозили взорвать здание школы в случае штурма и убивать по 50 заложников за каждого ликвидированного террориста. Потери среди заложников составляли 331 погибших, около 500 раненых. Такие цифры жертв, просто, не укладываются в голове, как после этого организаторов можно назвать людьми. Эти поступки недостойны человека.

Наши солдаты делали все, чтобы предотвратить жертвы среды мирного населения и не давали Чечне отсоединиться. Потому что, как только она вышла бы из состава СССР, она бы стала пристанищем для огромного количества боевиков, спонсируемых США, так что нельзя исключить, что после отсоединения они бы могли объявить нам войну. А это бы привело к колоссальным потерям среди наших сограждан. Надо сказать солдатам огромное спасибо, которые ценной своей жизни отстаивали интересы страны.

Несколько дней назад, мы побывали в музее Боевой Славы «Необъявленные войны» Дворца творчества детей и молодежи, где проходила экскурсия, посвященная 32-летию со дня начала войны в Чечне. Там я узнала очень многое из жизни погибших тех, кто так и не дождался возвращения домой, тех, чьи жизни забрала война. Слушая эти истории, на глаза наворачиваются слёзы. Плакала не только я, никто не смог остаться равнодушным. Чеченская война - название боевых действий на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа между войсками России (ВС и МВД) и непризнанной Чеченской Республикой Ичкерия с целью взятия под контроль территории Чечни, на которой в 1991 году была провозглашена Чеченская Республика Ичкерия. Конфликт и предшествующие ему события характеризовались большим количеством жертв среди населения, военных и правоохранительных органов, много людей погибло на войне. А те, кто остались живы, до сих пор не могут забыть то страшное время, настолько сильно она им запала в память.

Хасанов Рамиль Равильевич очень рано ушёл из жизни. На момент гибели ему было всего 19 лет. В войска связи он был зачислен не случайно, до войны он часто увлекался сбором и ремонтом техники. В июле 1996 года он был отправлен с группой сослуживцев на докомплектowanie 506 мотострелкового полка, которые воевали в Чечне. Батальон полка был направлен в Грозный, захваченный группировкой боевиков. На улицах города проходили ожесточенные бои. 10 августа Рамиль вернулся с дежурства. Так как его сослуживец погиб, Рамиль добровольно отправился на задание вместо него. Его целью была разведка линии обороны вооружённых повстанцев. Сев в боевую машину,

отправился в рейд, маневрируя по улицам, усеянным большим количеством обломков разрушенных зданий. По истечению нескольких минут подстреленная смертоносным огнём гранатомёта, машина загорелась алым пламенем. Все участники задания погибли, так и не дожив до возвращения на базу.

Пресняков Виктор Юрьевич - переехал из Самары в Сызрань. Весной 1994 года был зачислен на службу. С нетерпением его возвращения ждали родители и супруга Вера. В июле он получил письмо, в котором говорилось, что у них родилась дочь. 29 ноября Виктор приехал домой на похороны деда. Это была последняя его встреча с близкими, никто даже не мог подумать о том, что больше не увидят Виктора. После окончания учебного подразделения солдат Пресняков был принят в 81 полк. В декабре он сообщил своей возлюбленной, что его часть отправлена на Северный Кавказ. Велел не беспокоиться и уверял, что все будет хорошо. 31 декабря в городе Грозном батальон 81-ого полка, принял сильный удар боевиков, чья группировка превосходила 81 полк по численности. Счёт погибших мотострелков составлял более сотен человек. БМП-3, подстреленный гранатометом, вспыхнул словно факел (как утверждают очевидцы), командиром экипажа был Пресняков. Останки погибших так и не были найдены. Виктор долгое время считался пропавшим без вести. Для Валентины Степановны (мамы Преснякова) - это было последней надёжной. Она неоднократно ездила в Чечню в поисках сына, но это не увенчалось успехом. Через несколько лет суд официально объявил о гибели Преснякова Виктора Юрьевича.

Я ХОЧУ СКАЗАТЬ ОГРОМНОЕ СПАСИБО всем тем, кто отдал свои жизни за то, чтобы в нашей стране был мир. Ведь никто не знает, что было, если бы Чечня отделилась от России, возможно, что началась бы уже международная война. ЕЩЕ РАЗ ОГРОМНОЕ СПАСИБО, МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ О ВАШИХ ПОДВИГАХ ВСЕГДА, и отдельное спасибо хочу сказать родителям солдат, ведь они смогли воспитать в своих детях отвагу, смелость и героизм.

Зверева Ольга, 14 лет

Проходят годы - память остается

Обычное утро, в котором я, как всегда, в спешке выбегал из дома. Я дошел до остановки и, дождавшись автобуса, отправился на работу. Утро было хмурым и дождливым. По радио звучали песни, которые, кажется, были выучены всеми наизусть. Я, как и обычно, был полностью погружен в свои мысли и плохо слышал играющую музыку, но вдруг все мои мысли исчезли, и я услышал обрывок какой-то фразы, не смог разобрать начало, но отчетливо услышал конец «11 декабря 1994 год», а затем отрывок, кажется какого-то стиха:

«Сыны российские лежат в гробах,

Познав кремешный ад,

По ним лишь матери скорбят,

Надвинув чёрный плат»

И мой рассудок словно потемнел, а в голове вдруг заиграли мысли, воспоминания. В этот момент в голове пронеслось то, что я так долго пытался скрыть сам для себя. И я, невольно, начал вспоминать, вспоминать то, что я так долго пытался стереть и

уничтожить в памяти. Самым первым пришло воспоминание о том, как по тревоге нас подняли, совсем ничего не объяснив, разместили по вагонам и отправили в путь, из которого в итоге многие не вернулись. Ничего не понимавший я, и еще сотни таких же, как я еще не знали, куда нас везут.

- «Товарищ командир, куда мы?»

- «Отставить вопросы! Ты солдат, а значит никаких лишних разговоров. Жди, пока прибудем на место».

Спустя 12 часов мы прибыли на место. К нам вышел старший по званию – майор, который и сказал, где мы находимся. Мы прибыли в Чечню. Не на какие-то учения, мы прибыли воевать. Спустя час мы были проинформированы и проинструктированы. Начиная с первого часа пребывания там, была поставлена задача: найти отряд чеченских террористов и уничтожить их. Обезвредить тех, кто два часа назад уничтожил поселения, разгромив дома, лишив жизни невинных людей.

Мы немедленно пошли в бой. Несмотря на то, что мы были новичками без особой специальной подготовки, все были смелы и решительны. Двинулись в путь, зная лишь малую часть, того, где они. Мы бежали и бежали не останавливаясь, бежали и не медлили, так как знали, что от наших действий зависят жизни людей. Была одна цель – меньше думать о себе, больше о людях, которые находятся в опасности. Но в этот день нам не удалось их найти. Прошло 2 дня и 3 ночи после того, как мы их нашли и смогли обезвредить. Это было наше первое серьезное задание и уже не в учебке, а на войне. Первое, но далеко не последнее.

Не могу вспомнить, сколько их у нас было, да и не стоит, ведь столько времени ушло на то, чтобы все это забыть, стереть из памяти и боль, и ужас происходящего. В голове снова заиграли мысли.

В воспоминаниях один страшный день сменял другой, лишь мысли о том, что дома тебя ждет самый любящий и любимый человек – мама, помогли мне преодолеть многие трудности и горе тех дней. Тех дней, которые на всю жизнь останутся горечью в моем сердце.

С этими воспоминаниями я доехал до своей остановки. День уже не казался таким хмурым, ведь там, где есть я, царит мир и покой, рядом любимые близкие мне люди, а это самое главное в жизни.

Парфенова Юлия, 15 лет

Мы помним подвиг твой, солдат!

Честь, отвага, преданность, боль, скорбь, страх, огромные потери и всё это заключено в одном слове Война. Чечня... Для кого-то это всего лишь набор звуков, произносимых чуть ли не каждый день. Понять всё это сложно, а пережить ещё сложнее. Страх, отчаянье постигали мысли людей. Террористы захватывали роддома, маленькие человечки ещё даже не появились на свет, а уже были захвачены. Насилие, беспощадное обращение – вот, что ждало тех, кто попал в плен.

Ад, и никак по-другому это назвать нельзя. Смерть, кровь, взрывы, свистящие пули, летящие над головой. Столь ожесточенную схватку пришлось пройти нашим

соотечественникам в Чечне, и к несчастью многие были убиты, среди них: дети, женщины, немалое количество молодых солдат и офицеров.

Недавно, посещая музей Боевой славы «Необъявленные войны» Дворца творчества детей и молодежи, я увидела там немыслимое - это были фотографии молодых парней. Я не могла поверить, неужели, действительно, все они погибли. Им пришлось перенести и испытать на себе все ужасы этой кровавой войны.

Именно об этих людях мне и хочется вам рассказать, о тех, кто защищал честь и достоинство нашей родины. Среди них: Пачалугин Андрей Николаевич – рядовой, стрелок – разведчик 503-го Фастовского мотострелкового полка 19-ой мотострелковой дивизии. Разведчик Андрей Пачалугин погиб в первый же день сражения. В составе подразделения он шёл на выручку гранатомётному полку, который был уже на грани своих сил, он еле-еле сдерживал порыв боевиков. И вдруг Андрей заметил бандитов, хотевших атаковать ребят с тыла. Он, используя фактор внезапности, открыл огонь на поражение и пристрелил троих чеченцев. Остальные приняли бой, в ходе которого Пачалугин был убит осколками смертоносной гранаты. Весь ужас этой кровопролитной войны коснулся и моей семьи.

Мой дядя - Степанов Игорь Николаевич - рядовой 205 - ой мотострелковой дивизии, проходил службу в районе селения Ханкала неподалёку от Грозного. В одном из походов в районе Ведено их колонна попала под обстрел боевиков. С одной стороны было ущелье, с другой - зелёные заросли, а вокруг наводящий страх огонь и сотни молодых ребят. Боевые машины горели, как спички, взлетали в небо - словно пороховые бочки, а на землю возвращались одни осколки.

Во время нападения мой дядя получил ранение в ногу. Ребята помогли ему добраться до полевого лазарета, где молодой немец - практикант оказал первую медицинскую помощь, а потом на вертолёте он был отправлен в окружной госпиталь Ростова - на - Дону. Там он окончательно поправился, после чего вернулся домой 31 декабря 1995 года в пять часов утра. И еще долгие полгода, каждую ночь он ходил на войну. Ему всё время казалось, что он ещё там вместе со своими друзьями сражается бок о бок против боевиков.

Многие из тех, кто остался в живых, сейчас говорят: - «Только здесь мы поняли, что такое удача». Так думает и мой дядя Игорь. Ему, как и большинству солдат пришлось перенести потерю друзей, видеть большое количество крови и смертей. Они и многие другие сражались за будущее нашей державы, за то, чтобы мы могли жить спокойно.

Молодые ребята и опытные воины - от мала, до велика, выходили на дорогу смерти, чтобы освободить от насилия и терроризма Россию. Было принято решение войти на территорию Чечни и изолировать всех боевиков – значит, пора идти в бой, в смертный бой за Русь матушку и идти «не ради славы и почестей, а ради жизни, любви и согласия во всём мире».

Все без исключения были верны присяге и воинскому долгу, они выполняли приказы от имени народа и Родины. И надо сказать, что наши земляки-солдаты, сержанты и офицеры, несмотря на всю опасность и сложность, проявили себя в Чечне, как миротворцы, защитники спокойствия мирных жителей, боролись с преступными элементами, бесстыдными бандитами и наёмниками, действовали самоотверженно и до конца выполнили свой долг. Если бы не их отвага и мужество, то могло бы произойти что - то ещё более страшное, чем эта война. Они достойны всеобщего уважения и светлой Памяти.

СПАСИБО ИМ !!!

И всегда будут приходить люди к вечному огню и памятникам героям, и будут лежать цветы на гранитных плитах, как символ нашей памяти и благодарности, и всегда будут звучать слова: «Мы помним подвиг твой, солдат!»

Степанова Алиса, 14 лет

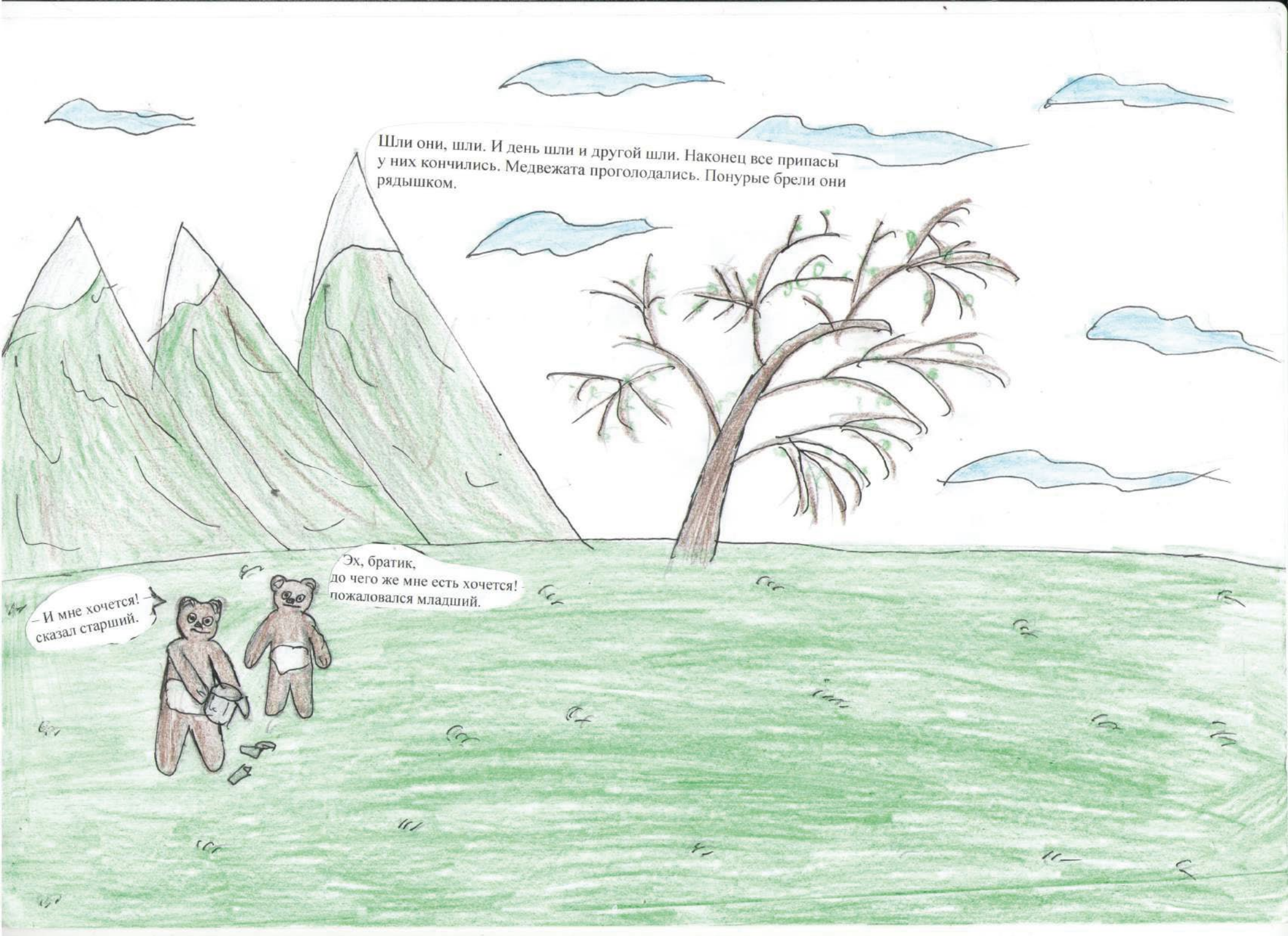
*Как глупо быть жадным
венгерская сказка*

По ту сторону стеклянных гор, за шелковым лугом, стоял нехоженный, невиданный густой лес. В этом нехоженном, невиданном густом лесу, в самой его чаще, жила старая медведица. У нее было два сына. Когда медвежата выросли, они решили, что пойдут по свету искать счастья.

Будьте осторожны с незнакомцами.
Помогайте друг другу во всем.

Не беспокойся, мама, за нас. Мы не дадим друг
друга в обиду и будем всем делиться.

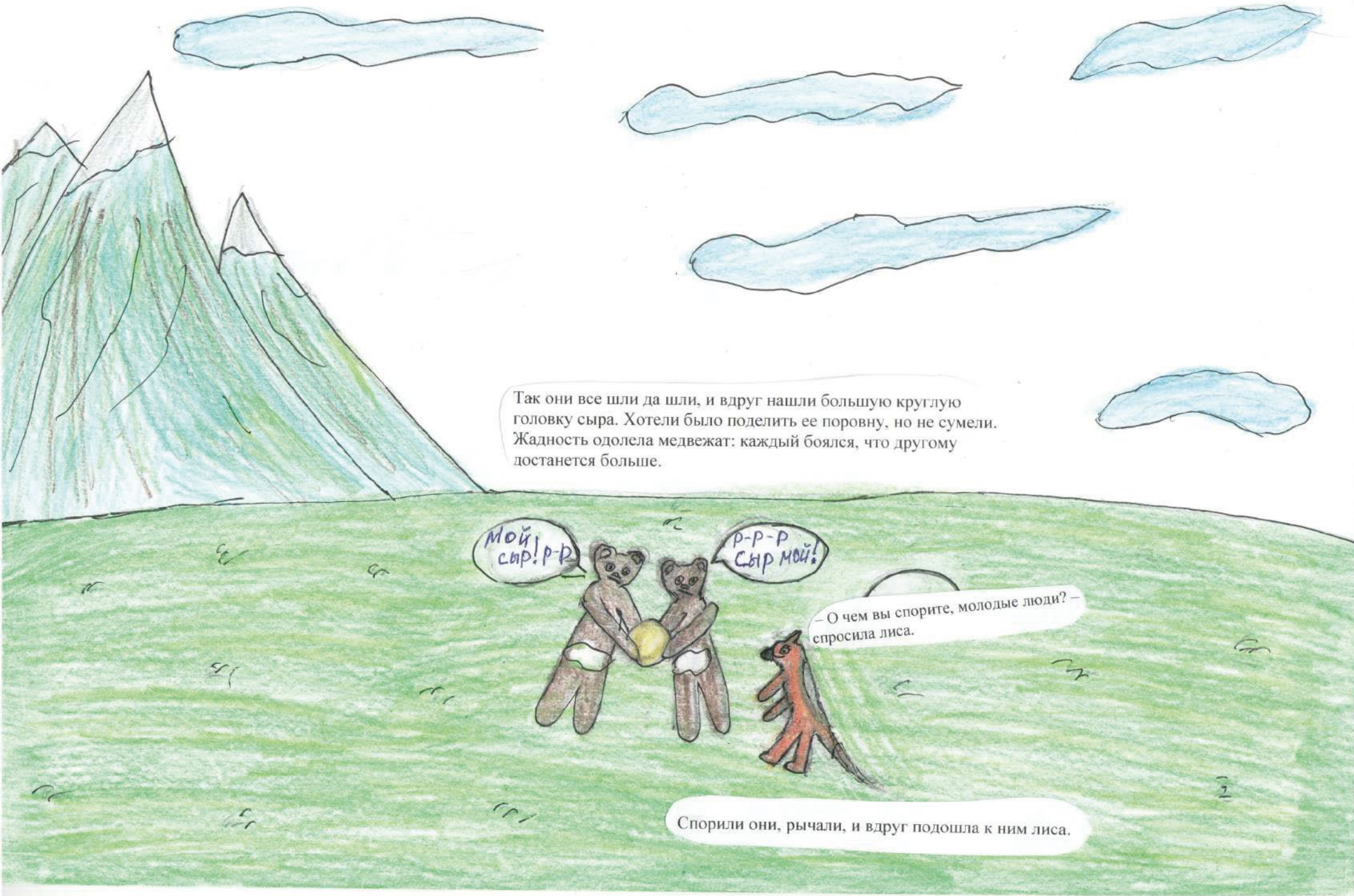

Шли они, шли. И день шли и другой шли. Наконец все припасы у них кончились. Медвежата проголодались. Понурые брели они рядышком.

— И мне хочется!
сказал старший.

Эх, братик,
до чего же мне есть хочется!
пожаловался младший.

Так они все шли да шли, и вдруг нашли большую круглую головку сыра. Хотели было поделить ее поровну, но не сумели. Жадность одолела медвежат: каждый боялся, что другому достанется больше.

Мой!
сыр! р-р

р-р-р
Сыр мой!

— О чем вы спорите, молодые люди? —
спросила лиса.

Спорили они, рычали, и вдруг подошла к ним лиса.

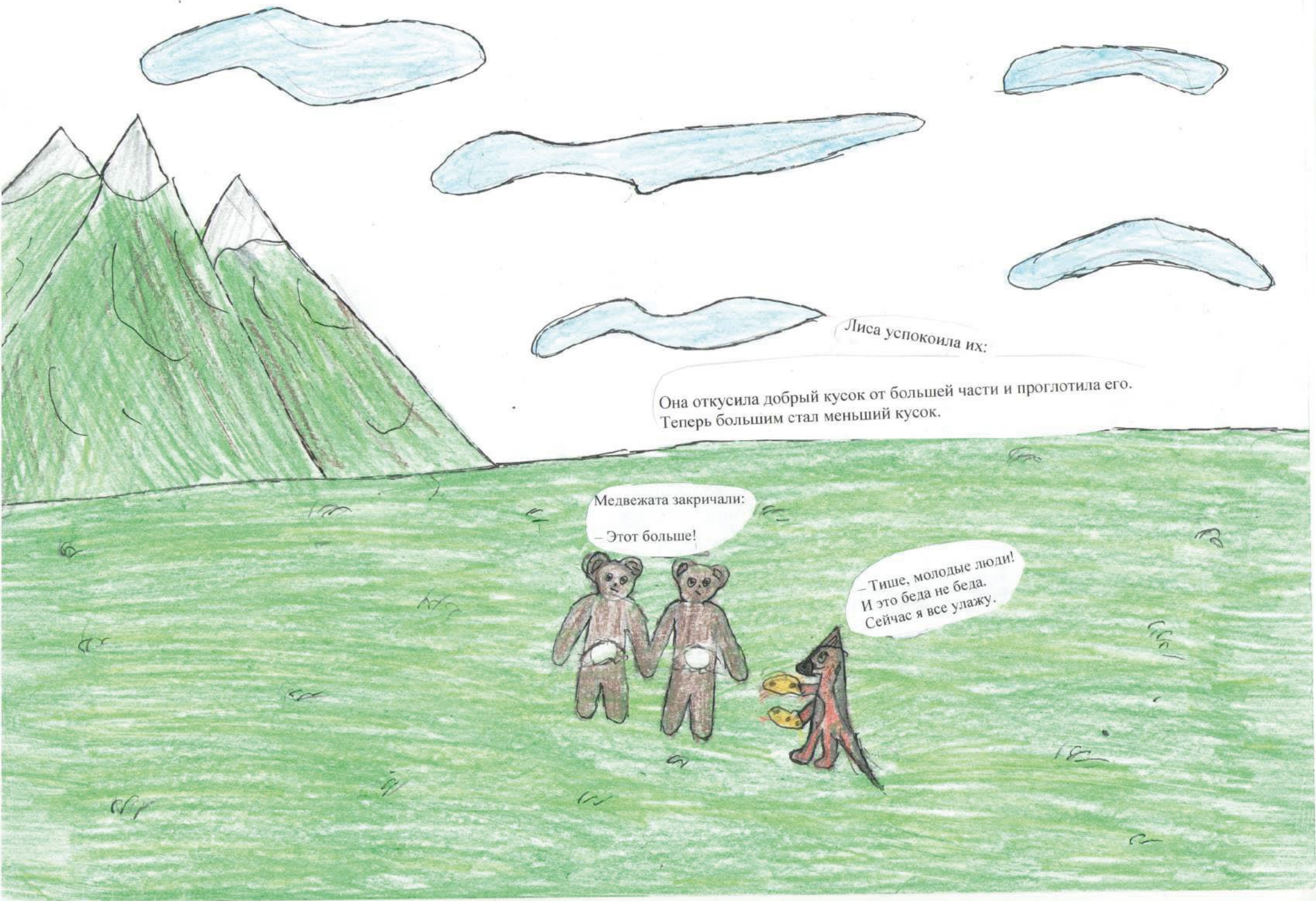

Медвежата рассказали ей о своей беде.

– Вот хорошо-то, –
обрадовались медвежата.
– Дели!

– Какая же это беда! – сказала лисица.
– Давайте я вам поделю сыр поровну:
мне что младший, что старший – все одно.

Лиса взяла сыр и разломила его на две части. Но расколола
головку так, что один кусок – это даже на глаз было видно – был
больше другого

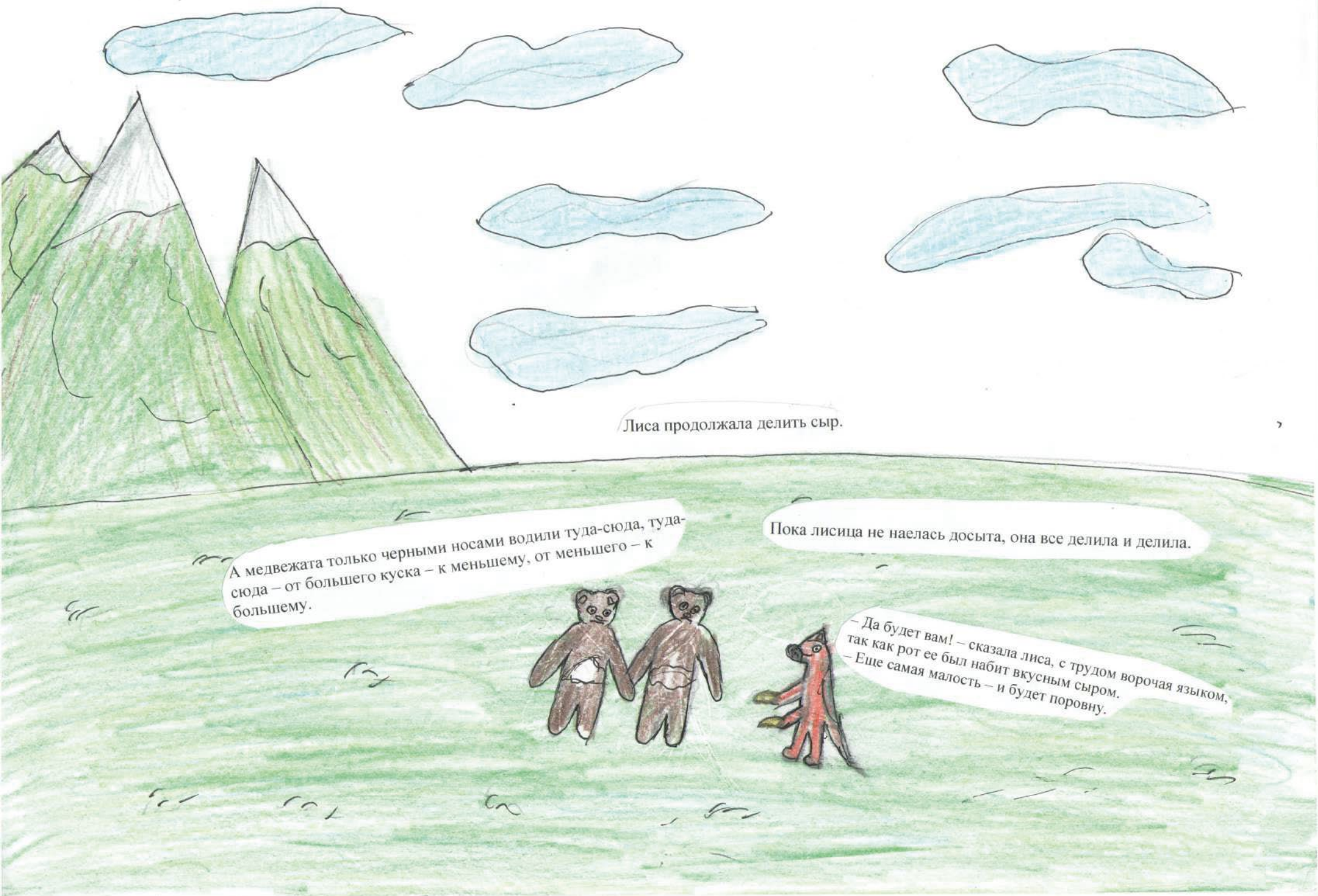
Лиса успокоила их:

Она откусила добрый кусок от большей части и проглотила его.
Теперь большим стал меньший кусок.

Медвежата закричали:

— Этот больше!

— Тише, молодые люди!
И это беда не беда.
Сейчас я все улажу.

Лиса продолжала делить сыр.

А медвежата только черными носами водили туда-сюда, туда-сюда — от большого куска — к меньшему, от меньшего — к большему.

Пока лисица не наелась досыта, она все делила и делила.

— Да будет вам! — сказала лиса, с трудом ворочая языком, так как рот ее был набит вкусным сыром.
— Еще самая малость — и будет поровну.

Но вот куски сравнялись, а медвежатам почти и сыра не осталось: два крохотных кусочка.

— Ну что ж, — сказала лиса, — хоть и помалу, да зато поровну! Приятного вам аппетита, медвежата! — и помахав хвостом, она убежала.

Так-то вот бывает с теми, кто жадничает!